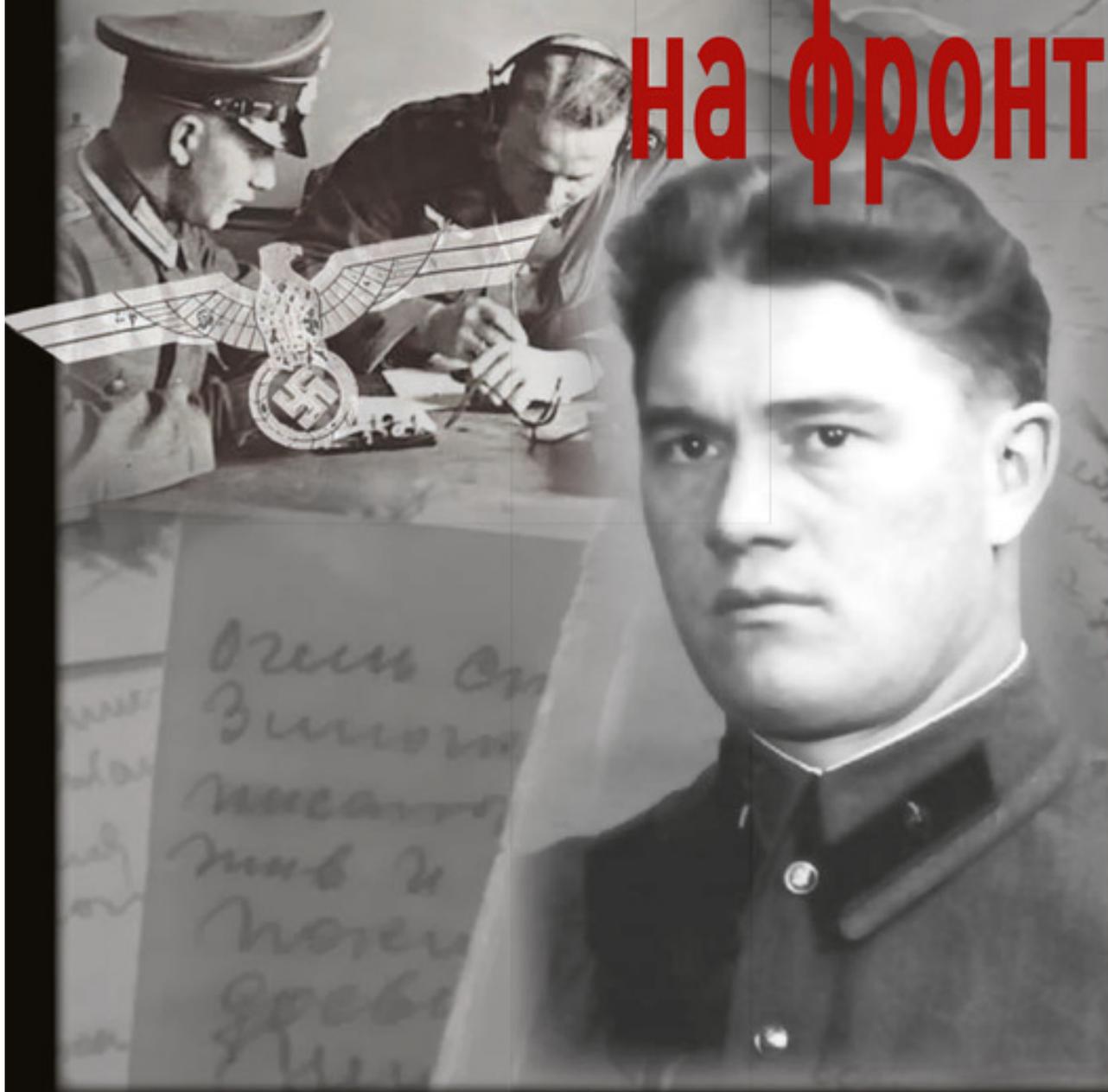

Анатолий Терещенко

С ЛУБЛЯНКИ на фронт

Михеев А.Н. – жизнь как мгновение

М
И
Р
Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Мир шпионажа

Анатолий Терещенко
С Лубянки на фронт

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2017

УДК 94(47+57)
ББК 63

Терещенко А. С.

С Лубянки на фронт / А. С. Терещенко — ИД
"АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2017 — (Мир шпионажа)

ISBN 978-5-9908778-5-6

Эта книга посвящена памяти геройски погибшего в сентябре сорок первого года участника борьбы с немецко-фашистскими захватчиками – 30-летнего руководителя советской военной контрразведки, комиссара госбезопасности 3-го ранга Анатолия Николаевича Михеева, добровольно ушедшего с высокой должности на фронт. Став начальником Особого отдела Юго-Западного фронта, ему пришлось участвовать в незримых сражениях с агентурой абвера на Украине и огненных боях при отступлении Красной армии в первые месяцы войны. Показаны также картины ошибок, заблуждений и преступлений властей при подготовке к войне на фоне массового героизма солдат невидимого фронта и воинов РККА после 22 июня 1941 года. Книга рассчитана на широкий круг читателей с целью патриотического воспитания современной молодежи.

УДК 94(47+57)
ББК 63

ISBN 978-5-9908778-5-6

© Терещенко А. С., 2017
© ИД "АРГУМЕНТЫ
НЕДЕЛИ", 2017

Содержание

Предисловие	6
Малая Родина	10
Киевский особый...	17
Лубянка	30
Предвоенные разработки	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анатолий Терещенко С Лубянки на фронт

© Терещенко А., 2017

© ЗАО «Издательский дом «Аргументы недели», 2017

* * *

Предисловие

Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего.
Тадеуш Котарбиньский

22 июня 1941 года – одна из самых страшных и горестных дат в жизни советского народа, связанная с невосполнимыми утратами в каждой семье и колоссальным экономическим ущербом для страны. Эта трагедия поставила вопросы: как такое могло случиться и кто за это несет ответственность? До сих пор вразумительных ответов не дали ни историки, ни политики, ни военные. Дал только народ – он победил – Советский народ-Победитель, состоящий из больших и малых по количеству наций и народностей огромной Большой Советской России!

Любая война, как говорил Наполеон, состоит из цепи непредусмотренных событий. На войне все просто, но самое простое в высшей степени трудно. В ней проигравший игрок не имеет второго приза. Всякие войны ломают человеческие судьбы: одних возносят на пьедесталы почета и уважения в памяти людской, других по различным причинам уносят в забвение, в том числе и незаслуженно.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов поистине показала величие подвига советского народа через его единение с целью дать всеобщий отпор агрессору – фашистской Германии.

Сталинское в христианской упаковке обращение к народу – «братья и сестры» – показало всю опасность момента для страны и призывало к единению, несмотря на многочисленные грехи властей в политико-экономических экспериментах над Советской Россией.

Только так можно было согражданам услышать стон Отчизны и понять весь ужас последствий в случае отсутствия положительной реакции на призыв серьезно обеспокоенных вождя, власти и соотечественников.

Эта книга посвящена солдатам военной контрразведки и ее молодому руководителю – комиссару госбезопасности 3-го ранга Анатолию Николаевичу Михееву, к сожалению, коротко прожившему отведенную судьбой полосу жизни и так же мало прослужившему в РККА и Госбезопасности в суровое время «кровавых тридцатых» и «сороковых роковых».

Они служили нашей стране в дни войны и мира и были готовы всегда, равно как готовы и сегодня их потомки, отдать свои жизни ради безопасности нашей прекрасной страны под названием Россия...

Контрразведкой в Красной армии с декабря 1918 года занимались Особые отделы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД РСФСР и СССР. Однако 8 февраля 1941 года, согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О передаче Особого отдела из Наркомвнудела СССР в ведение Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота» в составе НКО и НКВМФ, создавались Третьи управления, а в НКВД – Третий отдел, занимающийся контрразведывательной работой.

Но начавшаяся война повлияла на возникновение новых структурных изменений в органах военной контрразведки. Так, согласно Постановлению Государственного комитета обороны от 17 июля 1941 года, Третье управление НКО вновь было реформировано в Управление Особых отделов НКВД СССР. Именно с такими брендами Лубянка вошла в военное лихолетье Великой Отечественной войны.

До начала перестройки героизм наших людей и подвиги их героев не подвергались сомнениям. И действительно, трудно было отрицать такую очевидность – рядом с нами жило еще немало участников Великой Отечественной войны, которые могли поправить любого,

цедившего ложь и пасквиль новому, особенно молодому поколению советских граждан, не знающему архитектоники военного времени.

Но в годы предательских годов – горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ» – возник целый ряд ядовитых мифов. Эти пасквили говорили: советские воины сражались не на уровне своих возможностей; победу добывали полководцы бездарно, устлая поля сражений трупами солдат; массового героизма как такового вообще не было; в бой гнали людей, как скот; военная техника была недогоняемо отсталая; командный состав слаб, а рядовой – не желал воевать и т. д.

В действительности все было наоборот, особенно после рокового сорок первого, когда страна и политики опомнились и поняли, что могут потерять.

В связи с этим хочется напомнить почему-то забытый сегодня факт, что только за первый день войны воздушный таран совершили семь пилотов: старшие лейтенанты И.И. Иванов и А.И. Мокляк, лейтенанты Л.Г. Бутелин, Е.М. Панфилов и П.С. Рябцев, старший политрук А.С. Данилов и младший лейтенант Д.В. Кокорев. При этом И.И. Иванов отметился подвигом ровно в 4 часа 10 минут.

Таран Виктор Васильевич Талалихин совершит намного позже – 27 октября 1941 года под Москвой. Свои тараны осуществляли воины и других военных специальностей, в том числе и военные контрразведчики, вместе с Красной армией, советскими партизанами и тружениками тыла.

Но автора заинтересовала короткая, как проблеск молнии, боевая судьба, которую тоже можно считать «тараном», начальника военной контрразведки Красной армии, тридцатилетнего комиссара госбезопасности 3-го ранга А.Н. Михеева, бывшего военного инженера, ставшего в одночасье руководителем армейских чекистов. Судьба его была пряма и извилиста, интересна и буднична, многообещающая и трагична.

Конечно, на изменение жизненного вектора повлиял долг – это то, чего в минуту борьбы мотивов, как говорится, не сделает никто, кроме вас. В планы молодого специалиста в 1939 году вмешались события и власть, сорвавшие его с пути, к которому Анатолий шел, готовя себя с детства. Он любил точные науки, обожал технику и машины. Его пытливый ум был всегда направлен, как он выражался, «...на шестеренки и движение, на изобретение и созидание».

В масштабах страны процесс технического созидания, ее индустриализацию и повсеместное развитие промышленности Михеев ставил на первое место в системе укрепления и усиления экономической и оборонной мощи государства. Уже тогда он ставил на первое место экономику, а не политику.

Результаты промышленного бума тридцатых годов XX века с вводом в жизнь крупных предприятий машиностроения и энергетики красноречиво доказывали эту истину. Поэтому желание посвятить свою жизнь инженерной технике преобладало над другими вариантами вхождения в «гражданскую зрелость».

Но гражданской профессии не получилось – тяга к машинам и вообще к военной технике направила его, как он отмечал, в «...военную зрелость». Хотелось достичь совершенства в инженерной профессии, было желание окунуть себя в знания, а для этого существовал только один путь – учеба, учеба и еще раз учеба.

После окончания окружной военно-инженерной школы в Ленинграде, учебы в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева в Москве Анатолию Николаевичу Михееву представители Лубянки предлагают незнакомую ему оперативную работу. Он колеблется, ссылаясь на без пяти минут не завешенную академию, но потом с доводами оперативника соглашается, принимая не столько романтичность профессии чекиста, сколько понимая важность этой секретной службы, тем более накануне надвигающейся войны, лихорадочно готовящейся гитлеровской Германией.

Потом он, проявив настойчивость, все же закончит академию, успешно сдав выпускные экзамены.

Другой причиной предложения ему стать сотрудником госбезопасности было время очищения от скомпрометировавших себя работников НКВД в период правления наркома Н.И. Ежова. Лубянке и новому ее руководству срочно были нужны свежие силы из числа молодых, энергичных и высокообразованных кадров – выпускников институтов, военных академий и партийных работников среднего звена.

Из имеющейся литературы известно, что на кандидатуру А.Н. Михеева обратил внимание один из активных участников чистки подразделений НКВД СССР, в частности, и Управления НКВД по Ростовской области от «ежовщины», молодой, недавно назначенный заместитель наркома внутренних дел В.С. Абакумов. Именно он принимал решение по определению военного инженера в органы армейской контрразведки. Так случилось, что со временем Абакумов заменит Михеева в ранге руководителя особыми отделами и станет апостолом легендарного Смерша в самые тяжелые годы Великой Отечественной войны.

После принятия положительного решения о службе в органах госбезопасности Анатолия Николаевича направляют на курсы, а затем после их окончания – на достаточно высокие должности в системе военной контрразведки НКВД СССР. Это была узаконенная практика тех лет.

Карьера молодого военного развивалась стремительно, благодаря ценным его качествам: силе характера, твердости убеждений, незаурядным лидерским качествам, а также удивительным смелости и честности.

Так, получив звание капитана госбезопасности, А.Н. Михеев становится сначала начальником Особого отдела НКВД СССР Орловского, а через несколько месяцев Киевского особых военных округов.

В середине 1940 года Анатолий Николаевич был вызван в Москву на Лубянку для собеседования с большим начальством. Его принял ставший уже известным земляк вождя, человек, не лишенный организаторского таланта и солидного опыта в оперативной работе, Лаврентий Павлович Берия – с 1941 года он станет Генеральным комиссаром Государственной безопасности СССР.

– Товарищ Михеев, – начал нарком, внимательно вцепившись в глаза собеседнику поблескивающими окулярами пенсне, – мы вам предлагаем должность начальника 4-го отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР.

«Почему Берия сказал мы, а не я? – подумал Михеев. – Он ведь единолично и смело решает кадровые вопросы, тем более в своей ведомственной епархии. А может, так, для бле-зира, в свое удовольствие решил показаться демократом предо мной? Но зачем? Наверное, все же не так – в определении моей служебной карьеры принял, несомненно, участие и сам Сталин. Ведь это очень ответственная должность...»

– Постараюсь оправдать ваше высокое доверие, оказанное мне, товарищ нарком, – с волнением, но достаточно четко отрапортовал Михеев.

– Ну тогда после смены киевской должности сразу же по приезде в Москву без раскочки примите дела и вникайте в работу...

В удивительно короткой служебной встрече совершился акт высокого назначения практически неопытного, с годичным стажем оперативной деятельности, но честного и порядочного человека на ответственную государственную должность.

С 23 августа 1940 года А.Н. Михеев становится руководителем Центрального аппарата военной контрразведки – 4-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в звании дивизионного комиссара. А уже через семь месяцев в ходе новой реформаторской чехарды переподчинения органов военной контрразведки, в феврале 1941 года он стал начальником 3-го Управления Наркомата обороны СССР (НКО).

Исполнял Михеев эту должность до 19 июля 1941 года, после того как запросился возглавить коллектив армейских чекистов Юго-Западного фронта. Получив очередное звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, он принял должность начальника Особого отдела НКВД СССР одного из самых ответственных и горячих фронтов. Именно на этом посту он героически погибнет 21 сентября 1941 года, выводя из окружения группу из числа командования управления штаба фронта и пятой армии, на окраине села Жданы Лубненского района Полтавской области.

Его короткая фронтовая жизнь, вложившаяся всего в отрезок двух месяцев и одного дня, была наполнена не только мыслями и конкретными действиями в борьбе с тайным противником, но и столкновениями с гитлеровцами и на поле брани с оружием в руках.

Время не повернуть вспять. Погибших в войне не дано вернуть к жизни. Но их примеры верного служения Отчизне в борьбе с вторгшимся на нашу землю врагом во все времена воспитывали молодежь, души которой навсегда принадлежат России.

И, как бы мы ни возмущались фактами чиновничьей несправедливости и коррупции, жадностью олигархов и другими внутренними проблемами, на защиту свободы и независимости Отчизны молодые россияне вместе с другими возрастными категориями готовы встать всегда.

Такие люди, как А.Н. Михеев, были настоящими патриотами. Они умирали за Родину, не думая об орденах и других наградах. Да, жизнь Анатолия Николаевича была короткой, чистой и без каких-либо негативных примесей, темных пятен в биографии – он погиб в тридцать лет, оставив светлую память, которую пытались опорочить в известный период хрущевского «насморка».

А ведь еще Николай Васильевич Гоголь писал:

«Чтобы победить народ, надо отнять у него своих героев».

Супруга Михеева Александра Александровна, находясь некоторое время в эвакуации в Свердловске вместе с сыном, получила всего четыре коротенькие весточки с фронта, ответив на них таким же количеством теплых писем.

В документальном фильме «Вернусь после Победы», посвященном армейскому контрразведчику, сказано о нем совсем немного, так как личное дело А.Н. Михеева до сих пор засекречено. В документальной повести Юрия Семенова «Комиссар госбезопасности» почти треть книги посвящено операции, руководимой Михеевым, под названием «Выдвиженцы».

Автор этой книги решил остановиться на других жизненно-служебных эпизодах героя. Желание россиян, особенно коллег, знать больше об этой незаурядной и трагичной личности велико, именно оно и подвигло его к написанию книги. Первой ласточкой увековечения памяти Анатолия Николаевича было установление в Архангельске на здании областного Управления ФСБ мемориальной доски в его честь.

Итак, в книге речь пойдет о начальнике советской военной контрразведки Анатолии Николаевиче Михееве, неожиданно подавшем рапорт своему непосредственному руководству об отправке его на фронт. Это был героический поступок – из руководящего кресла на Лубянке отправиться на пылающий в огне сражений фронт...

Малая Родина

*Где тяжелее – я не стану спорить,
Но мест таких еще не видел ты.
Здесь край земли, за ним – большое море.
А за морем – нетающие льды.*

Владимир Матвеев

К малой родине все люди всегда испытывают положительные, теплые чувства. Для любого человека феномен малой родины имеет даже сакральное значение – как ценностная, значимая территория, город или деревня, с людьми, с которыми мы вступаем «во взаимно приятное общение». Любовь к ней порождает ростки живого, не квасного патриотизма, переливающего к такому же чувству в сторону большой Родины – Отечества. Малая родина неразрывно связана с большой.

«Люди, с которыми мы вступаем во взаимно приятное общение, – писал когда-то Иоганн Гете, – и есть то, что я называю родиной». Он отрицал аристофанский постулат – где хорошо, там и родина, который нередко исповедуют отечественные толстосумы в результате низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной. Не секрет, что многие чиновники и акулы бизнеса холуйствуют перед Западом, потому что имеют за рубежом свои счета в банках и обладают недвижимостью, приобретенной за деньги сомнительного характера.

Анатолий Николаевич Михеев родился 3 июня 1911 года в старинном городе Кемь Архангельской губернии в рабочей семье. Город был построен древними предками на берегу реки Кемь, около места ее впадения в Белое море. От имени этой северной реки он и получил свое название. Сегодня город – административный центр Кемского района, относится к Республике Карелия РФ.

Устное слово и письменная память Севера свидетельствуют о том, что еще в XII–XV веках русские люди своим умом-разумом строили суда «...сообразно натуре моря Ледовитого».

Анатолий Михеев внимательно приглядывался, как поморы строили оригинальные суда и суденышки для плавания по студеным морям, и знал местные конструкторские особенности при их постройке, о чем позже рассказывал своим коллегам, не бывавшим на севере России.

Надо отметить, что условия плавания в Северном море и Северном Ледовитом океане крайне тяжелы для деревянных кораблей. Любое столкновение не только с айсбергом, а даже с крупной льдиной грозит гибелью морякам и судну. Зажатый между льдинами любой корпус корабля, даже металлический, легко может быть раздавлен. Так вот поморы научились строить особые прочные суда с дополнительными крепежными поясами по бортам. Такие суда они называли – кочи, шняки, карбасы.

Внешне корпуса их напоминали скорлупу грецкого ореха, и при сжатии льдов они легко выталкивались вверх. Обшивка таких судов и других северных кораблей делалась внакрой и скреплялась не гвоздями, а можжевельновыми вицами – своеобразными эластичными крепями, выпаренными в горячей воде. Они не расшатывались от времени, не ржавели, а разбухая, не давали течи.

На этих судах из Белого моря поморы ходили на Новую Землю, на Грумант – в шахтерский поселок на норвежском архипелаге Шпицберген, в Скандинавию. В середине этого

периода по берегам и островам Северного Ледовитого океана стояли русские опознавательные знаки – огромные восьмиконечные православные кресты.

Поперечины такого креста астрономически верно указывали направление стран света – как потом Анатолий Михеев узнает от бабушки, которая как-то с юмором однажды заметила, что если вас посылают на все четыре стороны, идите на юг, там теплее.

Как уже отмечалось выше, поморы издревле строили прекрасные корабли. Неслучайно со временем архангельские корабелы, памятуя былую славу, обижались на Петра Великого за его увлечение голландцами и немцами.

Из истории известно, что в XV веке Кемь являлась волостью посадницы Великого Новгорода Марфы Борецкой и в 1450 году была ею подарена Соловецкому монастырю. В 1785 году Кемь стала уездным городом Олонецкого наместничества, а уже в XX столетии превратилась в уездный город Архангельской губернии.

Основной достопримечательностью города является объект деревянного зодчества – православный Успенский собор, выстроенный в 1711–1717 годах в честь победы над шведами в Северной войне.

С началом Первой мировой войны трехлетний Анатолий переехал с родителями в Архангельск, где вскоре поступил и стал учиться в уездной школе. Отец работал сторожем в ремонтной бригаде на железной дороге. Слыл среди соседей довольно-таки «рукастым» мужиком – умельцем на все руки. Еще учась в школе, Анатолий потерял скоропостижно скончавшегося отца. Скоро в семье появился помощник-мужчина, отчим. Величали его Кузьма Петрович. Он был слесарем железнодорожных мастерских. Поначалу мужик никак не понимал своего положения в семье в качестве помощника. Не вписывался в крутые виражи семейной повседневности, пока бабушка Алена не заметила его обожание к завалинке. Любил он посидеть и поглазеть на прохожих с сигаркой во рту...

И однажды бабуля бухнула Кузьме Петровичу:

– Пошто маешься, мил человек, за домом-те? Срамотиша от люде-те катится. Михеевы сроду не терли штаны без дела – попусту. Вижу, Кузьма, – тебе пилось бы да елось, да работа на ум не идет. Сгинь лучшей с глаз и наших, и соседских долой-то и полезай греть бока на печку.

Больше ягодицы Кузьмы не просили без дела моститься на завалинке, хотя он и считал правильной половицу – «как ни мечи, а лучше на печи».

* * *

Но вернемся к юности Михеева.

Мастерам, слесарям и чернорабочим бригады чем только не приходилось заниматься: ремонтировали железнодорожные пути, виадуки, различные механизмы; укрепляли мостовые балки и прочие составляющие северной «чугунки». Будучи учеником, Анатолий часто навещал место работы кормильца. Именно эти визиты к «ремонтникам» зародили в нем интерес к «железкам», напильнику и молотку, которые поддавались задумкам и мыслям профессионалов, работающих с ними.

Полностью не закончив учебу в школе, Анатолий решил попробовать себя и в работе. Устроился чернорабочим на лесозавод № 1 топливного отделения Управления Северной железной дороги на станции Пермиллово. Нужна была сила в мышцах, ведь приходилось не только ворочать и перекачивать тяжелые бревна, пригодные под шпалы, но и участвовать в нудно-монотонном складировании пиломатериалов. И везде он, проворный и сильный, успевал справляться. Работал и учился на рабфаке. Природа физической силой наградила его сполна.

В шестнадцать лет Анатолий получил комсомольский билет, а в двадцать один стал членом ВКП(б).

Он любил свой край поморский. Позже Анатолий не раз новым друзьям по службе пояснял, что у поморов море – это поле, и радость, и горе – помору все от моря.

Михеев гордился тем, что вышел родом из самобытных жителей у моря – старожильческого русского и карельского населения на Белом море, кстати, исторически избежавших крепостного права и мужественных первопроходцев Русской Арктики. Он любил своих трудолюбивых с окающим и екающим поморскими диалектами русского языка земляков, как и любил свою малую родину, часто о ней вспоминал, работая в других местах необъятной большой Советской России.

Поморский Архангельск, расположенный на обоих берегах Северной Двины и островах дельты в трех десятках километрах от места впадения реки в Белое море, как лесопромышленный и лесозэкспортный центр страны, своей самобытностью наложил отпечаток на натуру Анатолия Михеева. У этого парня с прядью русых, чуть с ржаной желтинкой волнистых волос и синими глазами, как редкое солнечное небо в северных краях, был спокойный, покладистый характер. А еще он долго избавлялся от северного певучего «ёканья» – местного наречия, – мягкого окончания слов на букву «ё».

Кстати, на популяризацию данной буквы оказал влияние Иосиф Сталин. Согласно то ли легенде, то ли были, 6 декабря 1942 года Верховному на подпись принесли очередной приказ о поощрениях, в котором фамилии нескольких командиров среднего звена и генералов были напечатаны с буквой «е», а не «ё». Сталин пришел в ярость. И на следующий день во всех статьях газет, в частности в «Правде» и «Красной Звезде», неожиданно появилось обилие слов с буквой «ё».

В годы Гражданской войны в Советской России город стал опорой формирования Северной белой армии под командованием генерал-лейтенанта Миллера, похищенного разведчиками Иностранного отдела (ИНО) НКВД СССР в ходе хорошо продуманной операции в Париже 22 сентября 1937 года. Он был судим и расстрелян 11 мая 1939 года за «пролитую пролетарскую кровь».

Хотя в одинаковой степени прерывала ток в жилах этой самой крови и другая сторона. Страдания приходились на всех россиян, ввергнутых в страшную общегражданскую мясорубку «белого» и «красного» терроров. В гражданских сшибках победителей не существует по понятию. Такие войны рожают лишь побежденных граждан, нищету в стране и экономическую разруху.

Рассказывая о событиях весны 1919 года, командующий американским экспедиционным корпусом генерал Уильям Грейвс пришел к выводу, что «на каждого убитого большевиками в Восточной Сибири приходится 100 убитых антибольшевиками». Вину за кровавые преступления Грейвс возлагал на атамана Григория Семенова. Но так было по всей России, народ которой, увы, не поддержал белое движение из-за его жестокостей и контактов с иностранцами – Антантой.

Взят Архангельск, а вернее, был очищен от белых отрядов и непрошенных войск Антанты частями Красной армии только в 1920 году. Все эти полотна глубоко сохранила цепкая память подростка. Действительно, в ней удивительно отчетливо осели светлые события детства. В них запечатлелись картины рыбной ловли, когда Анатолий приносил домой на лозовых куканах пойманных на удочку красноперых язей и голавликов; сплава плотов по Северной Двине с причудливым поведением оторванных от связок хлыстов – бревен-толкунцов; посещения с бабушкой Аленой лесов для сбора грибов и ягод – морошки, голубики и черники. Мудрый лес он любил, оказывая святое уважение и почитание за его свежесть и дары. Не раз Анатолий Николаевич, восторгаясь мудростью леса, говорил потом: «Лес любит тишину! А она бережет спокойствие души!»

Как он гордился похвалой этой умудренной опытом старушки за то, что подростком усовершенствовал процесс сбора лесных ягод. Для этого внук взял деревянную ложку и сделал ножовкой несколько широких прорезей-пропилов вдоль глубокого черпала. Получилось что-то наподобие миниатюрных грабелек. Только подцепи стебельки снизу, разом чесани и ссыпай пригоршню ягодок в ведро или туюсок.

Свое новшество он передал и соседям – тоже наделал этих грабелек, за что они были благодарны своему доморощенному Левше.

Хорошо помнил, как бабушка Алена корявыми, узловатыми пальцами рук из-за множественного артроза фаланговых суставов изготавливала эти самые берестяные туюски и плела из лозовых прутьев корзины. Мать Анатолия – ее дочь, существенно помогала в этой работе. Они учили ремеслу внука и сына – бересты и лозняка в ту пору было много в округе, поэтому материал охапками заготавливал и приносил сам Анатолий на радость мастерицам. Помнил он и местный фольклор – частушки типа: «...Я одену юбку рябую, а кто миленочка обидит – рожу покарябаю...»

Пропустив через себя огромное количество поучительных историй, рассказанных бабушкой, Анатолий черпал неиссякаемую мудрость народную. Он на всю жизнь запомнил глубокую смыслом притчу, поведенную бабушкой Аленой, под названием «Ангельская работа»:

«В раю было два ангела. Один всегда отдыхал на облаке, а другой летал от земли к Богу. Отдыхающий ангел решил спросить другого: «Что же ты летаешь туда-сюда?» Спросив, тут же получил ответ:

– Я ношу Богу послания, которые начинаются: «Помоги, Господи...» А почему ты всегда отдыхаешь?

– Я должен носить Господу послания, которые начинаются: «Спасибо, Господи...»

В общении с людьми у него никогда не было сложностей. Главным достоинством в натуре Анатолия Михеева, проявившимся с детства, было умение слушать собеседника. Для него все они были живыми людьми со своими индивидуальными характерами и чертами. С этими людьми вольно или невольно приходилось какое-то время идти по жизненной тропе в одном направлении. Правда, потом, уже работая в ЧК, пришлось разговаривать и с теми, кто сбился с пути «одного направления»: с «двуликими Янусами», вражескими разведчиками, их агентами, диверсантами и террористами. И все равно он считал, что у человека нет возможности всем делать добро, но у него есть возможность никому не причинять зла.

Природа одарила его хорошим здоровьем, гибким умом, прекрасной памятью и достойной для юноши физической силой. Думая о своем будущем, он прямо заявлял матери и отчиму, что свою судьбу непременно свяжет с армией, с изучением военной техники. Задумал и осуществил – таков был Михеев.

На лесозаводе он быстро завоевал авторитет. Вскоре Анатолия избрали секретарем комсомольской первичной организации, а через два года он навсегда расстается с домом и добровольно отдает себя служению Красной армии, которая тогда еще называлась Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА).

* * *

В Архангельске он встретил и свою любовь – милую Александру, которой очень нравились, как и ее возлюбленному, полевые цветы. Девушка обожала, когда ей преподносили именно эти неприхотливые дары скудной северной природы. А ведь действительно, есть в этих пахучих цветах, из которых девушки плели красивые венки, какая-то историческая романтика. Ведь нередко собранный маленький букетик из полевых цветов вызывает больше

чувств, чем охапка непахнувших роз, выращенных по новым агротехнологиям, как и турецкие помидоры без запаха, вкуса и твердые, как яблоки, – их еще называют «пласмассовыми».

Молодые заботились друг о друге, словно понимали, что долго прожить им вместе не даст судьба. Когда друзья с белой завистью говорили о крепкой семье Михеевых, то он всячески подчеркивал, что здесь нет никакого феномена, они просто понимают и уважают друг друга.

А своему заместителю по КОВО, а затем ЮЗФ Николаю Алексеевичу Якунчикову он сказал прямо-таки философски:

– Знаешь, Николай, забота и нежность таятся в нас, как тепло в недрах земли. Мы радуемся каждому подаренному судьбой и прожитому дню как звену в цепочке жизни. Смею утверждать, даже каждый миг жизни бесконечен, если в нее однажды взглядеться.

– Это всего-навсего, Анатолий, твое добросовестное заблуждение, – парировал Николай.

– А ты присмотришься получше к жизни, и поймешь, что она такова, – ответил Анатолий, рассуждая своим пытливым умом: – Я хочу развеять три распространенных жизненных курьеза: что семейная жизнь скучна, что прилипчивы плохие привычки и что существует неизбежность делать из мухи слона. Муха – есть муха, а слон – слон...

Совместная жизнь советской семьи, тем более семьи военного, в СССР считалась крепкой и поощрялась всякими социально-политическими способами.

Вскоре Сашенька, как он ласково называл жену, подарила Анатолию сына Александра, которого он не столько любил, сколько уважал, прививая ему положительные качества, которые жили и в его характере. Не раз в моменты прерванного рваного сна он вскакивал и устремлялся к кровати маленького сынули, подающего сигнал резким дискантом из-за какого-то недовольства.

Анатолию нравилась дисциплинированность в людях. По его оценке, она в чистом виде существовала только в армии, которая составляет одно целое с нацией, с многонациональным народом Страны Советов. Он ценил силу, точность и верность слова, считая, что даже самые острые клыки животного никогда не поранят того, кого любят, а вот люди могут покалечить, убить и убивают нередко одной фразой.

Михеев вспоминал, как наслаждался музыкой духового оркестра, когда по городу шли красноармейцы местного гарнизона, распевая армейскую песню, в одном из куплетов которой были такие слова:

*Сила могучая,
Гордая, властная,
Кто перед нею
В бою устоит?
Сила народная,
Армия Красная,
Разве врагов она
Не сокрушит?*

Именно чувство патриотизма толкнуло его в армейские ряды.

С этими мыслями он едет в Северную столицу и подает документы в Ленинградскую окружную военно-инженерную школу им. Коминтерна. С первого захода успешно сдает экзамены и зачисляется в ее ряды слушателем. Учился легко, с интересом постигая азы военно-инженерной специальности. После окончания школы в 1932 году Анатолий получает первичное воинское звание лейтенанта-инженера и направляется по разнарядке в Украинский военный округ в отдельный саперный батальон 7-го стрелкового корпуса.

Командовал взводом, численностью в три десятка бойцов, затем ротой... На всех этапах этой службы Михеев зарекомендовал себя положительно.

После Украины его направляют на должность курсового командира саперно-механизованного дивизиона в Саратовский гарнизон, в частности, в 4-ю пограничную школу ОГПУ – НКВД, а спустя некоторое время назначают командиром-руководителем, как сказано в аттестации, «...оборонительных и необоронительных построек». Анатолий Николаевич принимал непосредственное участие в строительстве этих сооружений.

Знания, полученные в Ленинграде, пригодились молодому командиру на практике в предвоенные годы – в Киеве на должности начальника Особого отдела НКВД КОВО.

Поэтому карьера военного специалиста развивалась стремительно. Непосредственное начальство заметило его старания в службе и умение ладить с личным составом через требовательное, но справедливое отношение к нему.

Однажды его вызвал заместитель командира – начальник кадрового аппарата – и поинтересовался:

– Анатолий Николаевич, как вы смотрите на возможность подучиться?

– Где? – последовал закономерный вопрос.

– В военном вузе, – ответил кадровик – Хотя я и врос в коллектив части, служба мне нравится, но к дальнейшему повышению уровня знаний отношусь положительно. Как говорится, век живи – век учись!

– Грамотно вы рассуждаете. Ваш ответ мне понравился, – вполне искренне улыбнулся кадровик.

– А все же, где я конкретно буду учиться? – спросил Анатолий, хотя прекрасно понимал, что есть одна академия по его профилю.

– Естественно, в Военной академии имени Куйбышева. Но сначала надо туда поступить и успешно сдать вступительные экзамены. Не подзабыли школьные азы?

– Нет.

– Ну тогда будем вас оформлять...

После успешной сдачи экзаменов осенью 1935 года Анатолий Михеев становится слушателем военного вуза в Москве. Учеба и здесь давалась ему легко. Могучая техника, инженерное оборудование, понтоны, гусеничные вездеходы, краны, мосты, дороги, путеукладчики и многое другое он успешно усваивал теоретически. Готовился к практике. Без проблем сдавал испытания, переходя с одного курса на другой. Четвертый курс был последним. Скоро замаячили выпускные экзамены. И тут вдруг возникла неожиданность...

Это был 1939 год – год больших событий в строительстве государственных институтов и канун начала Второй мировой войны. Его внезапно вызвали в отдел кадров академии.

«Что за чудеса? – спрашивал сам себя Анатолий Николаевич. – Приятно, когда тобой интересуется начальство, но я готовлюсь к выпускным экзаменам. Зачем же я им понадобился именно сейчас?»

В кабинете, куда направили Михеева, сидел незнакомый ему человек в гражданском. Он был опрятно одет. Серый костюм четко подчеркивал его плотную спортивную фигуру. На белоснежной рубашке симпатично смотрелся красно-синий галстук. Анатолий любил сочетание этих двух цветов, считал их гармоничными.

Незнакомец представился сотрудником органов госбезопасности. Обрисовав обстановку в стране и за ее пределами, чекист неожиданно предложил попробовать будущего военного инженера на службе в контрразведывательных подразделениях органов НКВД.

– Но у меня никакой практики нет. Этот профиль военной службы мне совершенно не знаком. Он больше гуманитарный, чем инженерный, – честно ответил слушатель-выпускник.

– Это не проблема – подучитесь. Вы молодой, а учение, как известно, в молодости – это резьба по камню, а вот в старости – черчение на песке. Но вам еще далеко до черчения на песке.

Надо отметить, что 1939 год характеризовался большими сложностями в системе упорядочивания работы органов госбезопасности. После «ежовского кровопускания» 1937–1938 годов, жестоких репрессий со стороны главы НКВД СССР генерального комиссара госбезопасности Н.И. Ежова наступил период обновления кадров. Именно в этом году «... зоркоглазый и умный нарком» Ежов, как его называл в своем стихотворении казахский поэт Джамбул Джабаев, был арестован, а спустя год расстрелян по обвинению в подготовке анти-советского государственного переворота.

Михеева поражало, что Ежов, отвергая все обвинения, выдвинутые на суде и следствии, признал единственной своей ошибкой то, что «мало чистил» органы госбезопасности от «врагов народа». В частности, на суде он заявил:

«Я почистил 14 000 чекистов, но огромная моя вина заключается в том, что я мало их чистил... Я не отрицаю, что пьянствовал, но я работал, как вол... Если бы я хотел произвести террористический акт над кем-либо из членов правительства, я для этой цели никого бы не вербовал, а, используя технику, совершил бы в любой момент это гнусное дело...»

На смену ему в руководстве НКВД пришел его заместитель, начальник Главного управления госбезопасности ведомства Лаврентий Павлович Берия, решивший перетряхнуть руководящий состав наркомата.

Лозунг – «Кадры решают все!» – стал активно действовать в целях набора новых людей для работы в органах.

С приходом Берии на пост главы НКВД масштабы репрессий резко сократились. Большой террор завершился, но рецидивы его продолжались даже в хрущевскую «оттепель», перефразированную народом в «насморк», вплоть до 1964 года...

А что касается жизни Архангельска времен войны, то она быстро менялась, о чем, естественно, не мог уже знать Анатолий Николаевич, павший смертью героя в сентябре сорок первого...

В военные годы город Архангельск совместно с Мурманском и Молотовском являлся одним из главных портов, принимавших грузы стран-союзниц по ленд-лизу.

В декабре 1941 года в Архангельск прибыли помощники ВМС США, чтобы организовать на местах приема грузов постоянные американские миссии. Возглавил их работу помощник военного атташе Филипп Уорчелл.

23 декабря 1941 года линейный ледокол «Иосиф Сталин» с невероятными трудностями провел в Архангельск и Молотовск транспорты конвоя «PQ-6». Потом был более или менее налажен прием конвоев, доставлявших танки, самолеты, взрывчатку, бензин и продовольствие из Великобритании.

Архангельск стал воротами для иностранной помощи Советскому Союзу, который стал вселенской ареной Второй мировой войны, вскоре превратившейся для советских граждан в Великую Отечественную войну.

Как уже отмечалось, к великому сожалению, этого узнать не дано было Анатолию Николаевичу Михееву...

Киевский особый...

*Кто делает то, что может, делает то, что должен.
Мадлен де Скюдери*

По завершении курсов подготовки руководящего состава органов ГБ в феврале 1939 года 28-летний капитан госбезопасности Анатолий Николаевич Михеев назначается начальником Особого отдела НКВД СССР по Орловскому военному округу. К великому сожалению, всего того, что касается деятельности А.Н. Михеева на высокой должности в Орле, в литературе автору обнаружить не удалось. Об этом оперативно-стратегическом территориальном объединении соединений РККА Вооруженных сил РСФСР, а потом СССР известно только, что округ трижды появлялся, существовал и прекращал свою деятельность в такие периоды: 1918–1922, 1938–1941 и 1943–1945 годы.

Второе формирование Орловского военного округа, в который попал Михеев, пришлось на предвоенное время. Он был создан 28 июля 1938 года, согласно приказу наркома обороны СССР № 0154 на базе управления 10-го стрелкового корпуса и войсковых частей, учреждений и заведений, выведенных из состава Белорусского и Московского военных округов. А уже в июне 1941 года из управления этого военного округа была образована 20-я армия, положительно зарекомендовавшая себя в битве под Москвой.

После первого служебного назначения в Орел А.Н. Михеев, через полгода получивший очередное воинское звание – майор ГБ, знал, что командует военным округом один из выдающихся полководцев Гражданской войны – фронтовой друг К.Е. Ворошилова и А.И. Микояна комкор Михаил Григорьевич Ефремов.

А еще он мог знать от своего непосредственного начальства из Лубянки, что Ефремов накануне назначения в Орел вызывался в Москву и помещался под домашний арест сотрудниками НКВД по подозрению в связях с «врагами народа» Тухачевским и Дыбенко. Его допрашивали, даже устроили очную ставку с Дыбенко, который из-за трусости и в угоду костоломам-следователям его подло оклеветал.

Чувство собственного достоинства, порядочность, элементарная человечность, желание объективности при разбирательстве заставили Ефремова обратиться с письмами к Ворошилову и Микояну о подтверждении верного служения Родине и своей невиновности в принадлежности к агентуре иностранной разведки.

Его дело рассматривал сам Сталин, принявший решение о снятии всяких подозрений с Ефремова. Вождь знал его по Гражданской войне как человека мужественного и преданного советской власти.

Конечно, Михеев, возможно, не ведал о содержании письма Ефремова от 17 апреля 1938 года Ворошилову, в котором он писал:

«Климент Ефремович!

Последнее мое слово к Вам. Пусть оно будет и к товарищу Сталину. Я перед партией Ленина-Сталина, перед страной, советским правительством совершенно чист. Отдавал жизнь за твердыни Советской власти и в годы Гражданской войны, и в национально-освободительной войне китайского народа против империалистов.

Если верите мне, то спасите от клеветы врагов народа. Их клевета, возведенная на меня, ни одним фактом не подтвердится...»

А еще Михеев, погибший в сентябре сорок первого, естественно, не мог знать о трагически-героической судьбе своего недавнего командующего Орловским военным округом.

Ему такой жуткий сценарий написали война и, к великому сожалению, Г.К. Жуков. В октябре 1941 года генерал-лейтенант М.Г. Ефремов был назначен командующим 33-й армией. Он успешно воюет – восстанавливает положение наших войск на реке Нара, освобождает Наро-Фоминск, Боровск и Верюю. Но к этому времени 33-я армия уже была солидно потрепана в тяжелейших боях с лихо наступающим на этом участке фронта противником и остро нуждалась в пополнении личным составом, боевой техникой, боеприпасами и продовольствием.

Поэтому полной неожиданностью для Михаила Григорьевича явился приказ, полученный 17 января 1942 года от командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова, – стремительно контратаковать и наступать на Вязьму. Но операция успеха не имела, и войска трех армий вынуждены были в начале февраля перейти к обороне.

И в это самое время на героя сражений Гражданской войны, мужественного и думающего командарма, по-отцовски относящегося к каждому солдату, Жуков пишет аттестацию, в которой отмечалось:

«Оперативный кругозор крайне ограничен. Во всех проведенных армией операциях неизменно нуждался в постоянном жестком руководстве со стороны командования фронта, включительно тактического применения отдельных дивизий и расположения командного пункта армии. Приказы выполняются не в срок и не точно. Приходится все время подстегивать, за что имеет выговор в приказе...»

По мнению других источников, в том числе и офицеров Генерального штаба РККА, до предела обескровленная армия Ефремова «...бросалась в глубокий тыл противника на произвол судьбы». Жуков приказал прорываться, направляя одно указание за другим. Но они не подкреплялись никакими дополнительными силами и средствами. Изнурительные бои, нехватка продовольствия и боеприпасов измотали армию. Ставка Верховного Главнокомандования и сам Сталин поняли весь трагизм 33-й армии. По указанию Верховного Главнокомандующего для эвакуации генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова был послан самолет.

Однако командарм отказался покидать своих измученных воинов и отправил на самолете боевые знамена армии и соединений и по максимуму тяжелораненых солдат.

19 апреля 1942 года в бою Ефремов был тяжело ранен. Не желая попасть в плен, он вызвал свою жену, служившую у него медсестрой, и застрелил ее и себя. Воины тридцать третьей сражались стойко и до конца.

Из воспоминаний ветерана 33-й армии генерал-лейтенанта Ю. Рябова: «...тело командарма его солдаты несли к месту захоронения на жердях в плащ-накидке, но немецкий генерал потребовал, чтобы его переложили на армейские носилки. При похоронах немец приказал построить пленных армии Ефремова перед солдатами вермахта и заявил: «Сражайтесь за Германию так, как сражался Ефремов и его солдаты за Россию».

По воспоминаниям немецкого полковника Артура Шмидта, место погребения командарму рыли советские воины и местные жители на площади в селе Слободка. По приказу старшего офицера вермахта на могилу установили табличку с эпитафией на русском и немецком языках...

Указом Президента РФ от 31 декабря 1996 года «За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» генерал-лейтенанту Ефремову Михаилу Григорьевичу посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

В Москве в районе Хамовников рядом со станцией метро «Фрунзенская» в честь мужественного генерала назвали одну из красивейших улиц, идущую параллельно Комсомольскому проспекту.

Вот такой командующий был у А.Н. Михеева в Орловском военном округе...

* * *

Всего несколько месяцев пробыл Анатолий Николаевич в должности начальника Особого отдела НКВД СССР в Орле. И вот новое назначение на аналогичный пост – в августе 1939 года майор госбезопасности А.Н. Михеев становится руководителем армейской контрразведки Киевского особого военного округа. Округ являлся перворазрядным, недаром назывался «особым». Это назначение Михеев считал для себя не равнозначным, а почетным повышением.

Надо отметить, что командующими КОВО в период нахождения в Киеве Михеева были маршал Тимошенко Семен Константинович с 8 февраля 1938 по 7 июня 1940 года и генерал армии Жуков Георгий Константинович с 7 июня 1940 года по 14 января 1941 года.

Должность начальника Особого отдела НКВД СССР КОВО Анатолий Николаевич Михеев исполнял с августа 1939 года по август 1940 год – всего год.

Несмотря на годичную его службу в Киеве, она была спрессована многими предвоенными событиями в огромный ком размышлений для планирования действий и проведения многих операций по борьбе с агентурой противника и националистическими проявлениями оуновского окраса в армейской среде и ближайшем окружении военных объектов.

Это были тревожные годы начала Второй мировой войны и подготовки нацистской Германии к походу на Восток – нападению на СССР. Кроме того, головную боль для воинов КОВО составляли пособники агрессивного нацистского Берлина – украинские националисты из ОУН, возжелавшие после присоединения к СССР территорий западных областей Украины создать независимое государство в пределах УССР. Так рождалась и ширилась пятая колонна агрессивных коллаборационистов из числа приверженцев нового вождя ОУН Степана Бандеры, послушного и жестокого проводника идей «нового порядка». Получалось, по их логике, Галиция проглатывала всю Украину. Оуноацы бандеровского окраса добились своего только после майдана в 2014 году. Но украинский народ все равно проснется – политики приходят и уходят, а народы, тем более соседи, остаются, чтобы жить в спокойствии.

Для Михеева вопросы конкретной борьбы с украинскими буржуазными националистами были в новинку, но он понимал – от их решения во многом зависела степень боеготовности и безопасности частей и подразделений округа. На молодого начальника наваливались горы материалов о происках немецкой разведки с использованием отщепенцев, радикальных националистов, особенно выходцев с западных областей Украины.

Ознакомившись с обобщенными материалами литературных дел на эту злободневную тему, он понял, что борьба предстоит трудная и затяжная. Подпитка, подкорм деньгами гитлеровской Германии заставляла оуновцев лезть из кожи вон, чтобы угодить своим тевтонским хозяевам.

Спецслужбы Третьего рейха и, в частности, военная разведка – абвер – понимали, что лучших кандидатов для агентурной сети в борьбе против советской власти и РККА им не найти: наличие родственных связей, знание территории и языка противника, сравнительно легкие возможности внедрения своих глаз и ушей в гарнизоны посредством устройства сверхсрочнослужащими, вербовка командиров из числа украинцев, зараженных националистической идеологией, и т. д.

Знакомясь с обширными материалами наработок его предшественников, А.Н. Михеев быстро пришел к заключению, что идеология украинских националистов имеет общие черты с национализмом других народов. А проявляется она в следующем:

- нация представляется как внеисторическая общность;
- абсолютизируются национальные различия;
- идеализируется менталитет своей нации;

– успехи нации объясняются особой ее даровитостью, а неудачи – недостаточной обособленностью от других наций;

– культивируется в сознании народа превосходство над другими нациями, пренебрежение к их правам, высокомерие и даже враждебность к ним, которая легко перерастает в расизм и фашизм.

Нашел он в одной из справок литерного дела и высказывания бывшего руководителя военной разведки генштаба Австро-Венгерской империи полковника Макса Ронге по поводу использования западных украинцев в разведывательных операциях против России. Практика подтвердила этот тезис дремучего австрийского русофоба...

Михееву при рабочих встречах с командующими КОВО С.К. Тимошенко, а потом и с Г.К. Жуковым приходилось обсуждать конкретные мероприятия по борьбе против агентуры абвера из числа оуновцев.

Однажды, это было в декабре 1939 года, Анатолий Николаевич после звонка командующему был принят С.К. Тимошенко. Михеев показал ему справку о разоблаченном агенте абвера – сверхсрочнослужащем в звании старшины в одной из частей в 96-й стрелковой дивизии 6-й армии.

Семен Константинович умел слушать, но бывал и резок, если ему в чем-то не по делу перечили или натыкался на элементы безалаберности, непродуманности и элементарной лжи. Нет, он не ворчал, а частенько обкладывал нерадивых подчиненных отборным крепким словом.

После прочтения справки и доклада Михеева командующий, глядя на молодого руководителя военной контрразведки, несколько задумчиво заметил:

– Знаете, Анатолий Николаевич, недавние освободительные походы Красной армии отодвинули границу СССР на запад. Это хорошо, и плохо, а вернее – и плохо, и хорошо, можно одним словом это вымолвить – плоХОрошо! Хорошо, что граница отодвинута, плохо, что она пуста. Сейчас встала острая проблема дальнейшего укрепления нового кордона, в том числе строительства на нем свежих укрепрайонов. Происходит процесс передислокации воинских частей соединений и объединений, поэтому абвер заинтересован узнать наши планы. Попрошу ваших товарищей активнее поработать в этом направлении. Сейчас надо трудиться не покладая рук, нет ничего неизменного, и если вы не двигаетесь вперед, то вас уже обогнали. В армии страшен этот обгон противником – поражениями и проигрышами.

– Товарищ генерал армии, на днях мы заканчиваем одну из глубоких разработок осиного гнезда оуновцев, использованных немецкой разведкой именно для выявления мест дислокации воинских частей в новых местах, – заметил Михеев.

– Что ж, с удовольствием ознакомлюсь с вашими наработками. Национализм – это болезнь. Ее скверная особенность состоит в том, что она может одурманить даже самую светлую голову. А вообще галичане, прожившие почти несколько столетий под чужими флагами, имеют смутное представление об упорядочении процесса государственного строительства. Они всегда были и остаются ненавистниками не столько большевиков, сколько России. Если и захотят построить независимую державу, то им придется поступиться частью суверенитета между Германией и Советским Союзом. В том состоянии, в каком исторически находилась, а тем более сегодня находится Украина, никакого унитарного государства ей не построить. Слишком она разнопестрая, а оуновцы кричат о едином украинском народе. Украина – это сшитое кое-как лоскутное одеяло. Нет ни одной в этом понимании слова чистой, заселенной одним народом страны. А если есть – так это будет племя! Не может быть другого времени, если люди остались прежними. А они, оуновцы, остались таковыми с идеей незалежной державы и одним языком. А что делать другим народам, живущим на Украине, – русским, венграм, полякам, румынам, евреям? У всех у них свои родные языки. Мрак в головах у оуновцев и только...

После короткой, но емкой по содержанию встречи с командующим начальник Особого отдела НКВД округа А.Н. Михеев понял, что перед ним командованием поставлена не столько тактическая, сколько стратегическая задача усиления предметной борьбы с происками немецких спецслужб. Они активно используют агентуру из числа как называемой националистической среды местных граждан, так глубоко законспирированного подполья, особенно в западных районах Украины.

Это явление волновало его больше всего. Надо было грамотно внедряться в тайные структуры местного националистического подполья и зарубежных разведцентров с использованием ОУН во имя безопасности Красной армии.

Поэтому почти ежедневно Анатолий Николаевич мысленно успевал побывать в дивизиях, армиях и укрепрайонах и уж, конечно, в разворачивающейся на новом месте дислокации 6-й армии, штаб которой находился в городе Львове, кишашем радикально настроенным националистическим отрядами. И обстановка заставляла его мотаться по гарнизонам.

Именно во время его пребывания в КОВО была проведена операция по привлечению к негласному сотрудничеству сторонника ОУН, западноукраинского парня, который был внедрен в националистическое подполье. Работал он долго под псевдонимом Цыган. Через него была осуществлена одна из сложных операций по дезинформации противника – оперативная игра, суть которой заключалась во введении в заблуждение руководства абвера относительно планов перемещения некоторых воинских частей 5-й и 6-й армий и строительства укрепрайонов на новой линии госграницы.

* * *

Набивка материалов по введению в заблуждение противника проходила с согласия командующего округом С.К. Тимошенко и санкции Генштаба Вооруженных сил СССР. Надо отметить, что ценный агент Цыган в дальнейшем еще покажет себя с положительной стороны. Он так до самого конца войны и на «войне после войны» будет активно помогать органам НКГБ и МГБ СССР в борьбе с оуновским подпольем и бандеровскими отрядами и их бандитскими планами и действиями.

Органы военной контрразведки КОВО работали в тесном контакте с оперативным составом НКГБ и НКВД, особенно областных управлений этих ведомств Украины.

По материалам особых отделов 5-й и 6-й армий А.Н. Михеев, к этому времени уже находившийся на должности начальника 3-го управления НКГБ СССР, подготовил справку вышестоящему руководству. Его материалы существенно дополнили «Докладную записку В.Н. Меркулова И.В. Сталину об антисоветской деятельности украинских националистических организаций», подписанную наркомом 16 апреля 1941 года.

В ней, в частности, говорилось о ликвидации еще в марте сорокового года Львовского оуновского центра численностью до 165 человек – активных участников бандитских формирований. Большинство арестованных, оказавших при аресте вооруженное сопротивление, были уничтожены, а некоторые пытались покончить с собой. Единицам это удалось.

В состав ликвидированной краевой экзекутивы входили:

- Тымчий (убит при переходе границы);
- его заместители – Гасин (арестован) и Яворский (убит при аресте);
- руководители военной разведки – Гошко (убит при аресте) и политической разведки – Собашек (арестован);
- руководитель организационного отдела и отдела пропаганды – Ивашков (арестован);
- бывший начальник отделения полиции – Прийма, ведавший сбором оружия и изготовлением фиктивных документов (арестован).

Во Львове вскорости был ликвидирован и 2-й центр ОУН.

Руководителя краевой экзекутивы Грицака арестовали вместе с другими функционерами националистического подполья. Удачей военных контрразведчиков 6-й армии было задержание совместно с территориальными органами руководителя мобилизационного отдела некоего Горбового, у которого изъяли зашифрованные сообщения для краковского центра ОУН о состоянии организации; и главы Львовской городской и областной оуновской организации гражданина Габа. При обыске у Габы в доме были обнаружены потайной склад оружия и примитивная типография.

В сентябре 1940 года во Львове органами НКВД был ликвидирован и 3-й состав краевой экзекутивы.

В Ровенской области арестованы члены областного центра ОУН Дейнер, Гирей и ряд других нелегалов из руководящего состава организации, прибывших из Польши и осевших на Полесье. Областной центр имел связь с Краковом, непосредственно подчинялся Львовской краевой экзекутиве. Он издавал нелегальный журнал «До бою» («В бой». – Авт.) Всего в области и по районам органы госбезопасности арестовали свыше 100 человек. Подобные удары советских правоохранительных органов наносились и в других западно-украинских областях.

В ноябре 1940 года во Львове был задержан с поличным курьер закордонного центра Теодор Мельник, у которого органы ГБ изъяли очень важный документ – «Единый генеральный план повстанческого штаба ОУН», разработанный руководителем главного оуновского штаба в Берлине бывшим генералом «Украинской галицийской армии» Курмановичем.

В этом документе указывались сроки выступления:

«...Выступление может быть сейчас, может быть через месяц, год, два. Мы должны быть готовы всегда.

Важным является выступление первой ночи. Оно решает все. Оно должно быть на всех землях Украины. В один и тот же час должны заговорить и Львов, и Луцк, и Черновцы, и Киев, и Харьков, и Днепропетровск, и Кубань, и все украинские земли».

Арестованный член Львовской краевой экзекутивы и руководитель Тернопольской областной организации ОУН Вальчик на допросе 6 декабря 1940 года показал, что в июле 1940 года «закордонный провод» оуновцев дал директиву готовить выступление на осень 1940 года – к моменту ожидаемого военного нападения Германии на СССР.

Оуновскими организациями были разработаны конкретные планы захвата правительственных учреждений и физического уничтожения партийных и советских работников, командного состава Красной армии, сотрудников НКГБ, НКВД и милиции...

Вот в таких условиях приходилось работать военным контрразведчикам Киевского особого военного округа, возглавляемого А.Н. Михеевым.

* * *

7 июня 1940 года генерал армии С.К. Тимошенко попрощался с Киевом и Киевским особым военным округом, отправившись на новую должность с повышением и за маршальским званием с крупной «Золотой Звездой» в красной петлице. Он сменил на посту наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова. Сталин его снял с поста за огромные потери личного состава и другие промахи в период Советско-финской войны. Кстати, поводом к ней явился так называемый Майнильский инцидент с обстрелом финнами 26 ноября 1939 года у села Майнила наших войск, находившихся на Карельском перешейке. Так началась война, о которой Сталин в своем выступлении на совещании начальствующего состава 17 апреля 1940 года заметил:

«Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной армии.

Нельзя было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны.

Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30–35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны.

Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское – это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против советской власти...»

Была и другая причина отстранения «луганского слесаря» Клина Ворошилова от должности наркома обороны СССР – его злоупотребление служебным положением и непомерная растрата казенных денег, в том числе на подарки и дорогие украшения своей секретарше Надежде Тузовой. Правда, он вернул в кассу всю сумму потраченных десятков тысяч рублей, но это не спасло его от справедливого гнева вождя.

Вместо Тимошенко на КОВО 7 июня 1940 года приказом наркома обороны СССР № 02469 был назначен генерал армии Г.К. Жуков, с которым Анатолию Николаевичу Михееву вместе удалось проработать всего два месяца.

Знакомство с новым командующим – начальником Особого отдела НКВД СССР по Киевскому особому военному округу – состоялось через несколько дней после его назначения. Михееву он не звонил, поэтому комиссар госбезопасности решил сам познакомиться с ним, доложив генералу армии результаты работы по реализации дела оперативной разработки на одного из агентов абвера. Им оказался военнослужащий стрелковой дивизии 12-й армии генерал-майора Павла Григорьевича Понеделина.

Михеев позвонил командующему и представился.

– Ну заходи, если есть вопросы. Время сейчас сложное, надо его экономить, – сухо вато, хотя и верно ответил Жуков.

«Что это? Нежелание предметно взаимодействовать или действительно занятость боевого генерала?» – подумал Михеев.

И вот он в кабинете большого начальника. Нет, Михеев не стусевался. По-военному, как это требовалось воинским уставом, доложил о своем прибытии. Жуков предложил стул у приставного столика. Для приличия чекист поздравил генерала с назначением на этот ответственный пост руководителя перворядного военного округа. Чувствовалось, что Жукову это не понравилось. Как же, кинули из Москвы на Киев!

Михеев сразу коротко доложил суть дела и, положив на стол обобщенную справку по разоблаченному шпиону для росписи, попытался рассказать хозяину кабинета некоторые подробности о проявлении интереса вражеского агента к войскам.

– Подождите, я прочту вашу справку, – недовольно поморщившись, зевнул Жуков, перейдя на «вы».

Прочитал он удивительно быстро, как говорится, по диагонали и тут же расписался красным карандашом в левом нижнем углу документа.

– Ну что у вас еще есть?

– Я хочу вас проинформировать, что за последнее время активизировались националистические элементы. Это в буквальном смысле какой-то спурт. Факты разоблаченной агентуры говорят о том, что абвер заметно усилил свою работу и ставит агентуре задания по проникновению в новые места дислокации наших частей.

Все чаще они появляются вблизи советских гарнизонов, особенно в Западной Украине. Наши помощники вместе с другими военнослужащими выявляют немало подозрительных лиц, действия которых похожи на изучения оперативной обстановки. Многие из них попали в поле зрения нашей агентуры не только по причине повышенного внимания к режимным вопросам и объектам, но и в ходе конкретных враждебных действий.

Поголовное большинство из них прибыло из Германии и Польши под видом посещения своих родственников в связи с сентябрьскими событиями тридцать девятого года. Все они приверженцы организации украинских националистов...

– Об оуновцах я слышал...

– Да, они представляют серьезную базу для вербовки немецкими спецслужбами, – пояснил Михеев. – Пограничниками и нашим оперативным составом только за прошедший месяц задержано более двадцати подозрительных лиц. Все они прибыли с территории упоминаемых стран, где абвер готовил их в разведывательных школах. Двое признались, что направлялись на территорию нашего округа с диверсионно-террористическими целями для физического устранения командования, в том числе и высшего звена. Семеро раскололись, подтвердив, что им были поставлены задачи по сбору информации о местах дислокации новых частей, их характеристик, поиска складов с ГСМ и арсеналов хранения оружия и боеприпасов. Причем для перепроверки данных одного агента по его следу пускался второй и так далее, – рассказывал Михеев генералу армии Жукову.

Во время беседы несколько раз звонил телефон. Всякий раз, естественно, беседа прерывалась, и новый командующий почему-то, как показалось начальнику военной контрразведки, держа черный эбонит телефонной гантели, вдруг наливался лицом и матерился, отчитывая неизвестных Михееву подчиненных.

«Какой грозный Георгий – настоящий громовержец! – подумал Анатолий Николаевич. – Видно, нелегко мне придется с ним. Нет, сработаемся – одно дело ведь делаем. И враг у нас один – гитлеровцы и их пособники. Служба не для службы кому-то, ради защиты Родины она нам дана».

Положив трубку, он выругался: «Бездельники безголовые, совсем забыли, зачем пришли в армию!»

С Жуковым у Михеева было еще несколько служебных встреч до его перевода в Москву с беседами по конкретным вопросам боеготовности частей, фактов разоблачения вражеской агентуры, случаев диверсий и террористических актов со стороны «засланцев» из-за кордона и нарушений режима секретности.

Но тех теплых деловых и личностных отношений, окрашенных служебным взаимопониманием, какие отмечались при общении с Тимошенко, у Анатолия Николаевича с Жуковым не сложилось.

Да, перед Михеевым был герой Халхин-Гола, который показал, что зарвавшуюся японскую военщину можно бить, и бить сильно. Победу частей Красной армии на Дальнем Востоке высоко оценил сам Сталин. Это был первый советский блицкриг и начало головокружительной карьеры комдива Жукова.

Хотя о заслугах его начальника штаба Михаила Андреевича Богданова, главного разработчика плана операции, сыгравшего, можно смело заявить, судя по многочисленным открытым публикациям и другим источникам, ключевую роль в разгроме японцев, а также командарма Григория Михайловича Штерна Жуков никогда и нигде почему-то не вспоминал. Что это – черная зависть, понимание силы ума этих военных или что-то другое?

Оба вскоре попали под суд в 1941 году – первый по уголовному делу был амнистирован в том же году, достойно прошел всю войну, но выше должности комдива не дослужился и умер практически забытым в 1969 году, а второй – в октябре 1941 года был дополнительно оклеветан и расстрелян...

* * *

Как известно, в сентябре 1939 года после освободительного похода в Польшу начался демонтаж так называемой «линии Сталина» – линии укреплений на старой границе Советского Союза. Начальник Особого отдела НКВД СССР Киевского особого военного округа А.Н. Михеев забил тревогу. Он понимал, что в случае войны на западе округа, при глубоком прорыве противника на советскую территорию, его не удастся надолго задержать силами пограничных застав. А укрепления на новой границе – «линия Молотова» – строились так медленно, как говорится, – ни шатко ни валко, что исключало возможность завоза вооружения и боеприпасов в недостроенные ДОТы, ДЗОТы и другие укрепленные сооружения.

Ответственным за инженерное оборудование новой границы являлся Г.К. Жуков, и Анатолий Николаевич писал в Москву докладную за докладной, но все его тревожные замечания уходили, словно вода в песок. Москва загадочно молчала – не отвечала на серьезную информацию начальника военной контрразведки округа, человека, который понимал толк в фортификационных сооружениях: закончил ведь военно-инженерную академию!

Дело, конечно, было не только в личной инициативе командующего округом, а в содержании советской военной стратегии, не предусматривавшей исключительно оборону.

Однажды, это было утром в середине августа сорокового года, накануне отъезда Михеева в Москву на повышение, он, предварительно позвонив командующему округу, спокойно вошел в его кабинет. Доклад касался серьезных нарушений в режиме секретности в одной из дивизий шестой армии – с утратой или хищением, выяснилось, важных штабных документов.

Прочитав справку, Жуков неожиданно обжег комиссара госбезопасности колючим взглядом и бросил:

– Тут есть и ваша вина в том, что в сохранности важных секретов появились большие прорехи.

У Михеева, всегда спокойного по натуре, заходили желваки. Нет, он не стушевался, а достойно ответил:

– Товарищ генерал армии, если бы мы не охраняли специфически секреты в наших вооруженных силах, то и не смогли бы выявить преступления. Сейчас мои оперативные работники подключились к поиску канала утечки и установления виновных. И мы выясним подробности случившегося ЧП. Я доложу вам и своему непосредственному начальству...

– Ну, ищите, ищите, – проскрипел недовольный Жуков, понявший, что Михеев не тот человек, которого можно смять или сломать.

Решив ряд других вопросов, Анатолий Николаевич без настроения покинул кабинет командующего. Разгорался яркий солнечный день. Дневное светило поднялось уже достаточно высоко. Оно не столько озаряло пространство, сколько претендовало на скорый полуденный зной, нагревая до плавления в некоторых местах асфальтное полотно. Подходя к машине, он услышал слова знакомой песни: «Если завтра война», доносящиеся из открытого окна соседнего здания. Ветерок трепал полотна тюлевых штор, вырвавшихся порывами сквозняка двумя половинками на волю.

Он любил эту песню и, услышав только четвертый куплет стихотворения Лебедева-Кумача, которое стало мужественной мелодией через музыку композитора Покраса, сел в свою любимую эмку. А через опущенное стекло дверцы доносилось:

*Мы войны не хотим, но себя защитим –
Оборону крепим мы не даром.
И на вражьей земле мы врага разгромим,
Малой кровью, могучим ударом...*

Он ехал по яркому и прозрачному Киеву, и только теперь, много раз слыша эту песню, почему-то обратил внимание на последнюю строчку четверостишия.

«Нет, из того, что я знаю о нашем потенциальном противнике, малой кровью его разгромить вряд ли удастся, – рассуждал про себя комиссар госбезопасности, – до того когда он нагрянет, нужно успеть выстроить нашу мощь в армии. Пока войска РККА все еще находятся в состоянии реформирования. Великие реформаторы приходили не с тем, чтобы разрушить, а с тем, чтобы создать лучшее, разрушая худшее. Надо торопиться не спеша, но торопиться».

Сталинская в своей основе положительная по целям реформа в конце 30-х годов отмечалась и немалым разрушением, и неполным созиданием – времени не хватило. Гитлер на это уповал, а поэтому так спешил...

И все же, если быть справедливым, то начиная с середины двадцатых и конца тридцатых годов Сталин делал все возможное и невозможное, чтобы вернуть Россию, теперь в образе Советского Союза, к статусу великой державы. И конечно, он готовил страну к войне, что, собственно, никогда не отрицалось и в советской историографии.

Надо отметить, некоторые военные деятели РККА демонстрировали иногда в своих выступлениях, что показывают сегодня те немногочисленные открытые данные Генштаба периода «сороковых роковых», готовность нанести удар до того, как немцы сами нападут. А потом – и «на вражьей земле мы врага разгромим, малой кровью, могучим ударом», как пелось в вышеприведенной песне.

Политики в Кремле были более осторожны и сдержаны...

* * *

То, что не мог знать, а потому и не способен был по трагическому определению поведать А.Н. Михеев о Жукове, захотелось рассказать автору. Нет, не измазать черной краской или всякими выдумками героя Халхин-Гола и полководца Великой Отечественной, а показать его живым человеком, сославшись в его характеристике на конкретных свидетелей общения с ним, которым нельзя не верить.

Служили два товарища – два всадника, два Константиновича: К.К. Рокоссовский и Г.К. Жуков. Первый командовал легендарным Парадом Победы 24 июня 1945 года, а второй принимал Парад. Оба родились в декабре 1896 года с разницей в двадцать дней. Но они были разными по характеру. И отношения у них были непростыми, иногда даже натянутыми до предела.

1930 год.

На командира бригады Жукова, служившего в 7-й Самарской дивизии, которой командовал Рокоссовский, последний в характеристике на подчиненного объективно написал то, что сохранили архивы:

«...Сильной воли. Решительный... Требователен и в своих требованиях настойчив... По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства... Может быть использован с пользой для дела на должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную и

преподавательскую работу назначен быть не может – органически ее ненавидит».

Не эти ли черты негативно повлияли на качество его непродолжительной работы в должности начальника Генштаба (НГШ) в период с 15 января по 30 июня 1941 года, после чего Сталин смещает Жукова с должности НГШ и назначает его командующим Резервным, а затем Ленинградским фронтами.

Когда в боях под Москвой в 1941 году в районе Волоколамска командарм К.К. Рокоссовский, только что освободившийся из тюремного заключения, предложил во имя сохранения солдат истекающую кровью 16-ю армию отвести на новые, более удачные для организации контрнаступления позиции и хотя бы частично доукомплектовать ее, а потом ударить с нового плацдарма с новой силой по противнику, что было вполне стратегически оправдано, Г.К. Жуков приказал контратаковать врага.

– Сил у меня нет для этого, положим массу солдат и только, – кричал в трубку полевого телефона хриплым, надтреснутым голосом командарм.

– Не разрешаю, – орал командующий Западным фронтом Жуков.

Тогда Рокоссовский, видя неправоту руководителя фронтом, обратился через голову к начальнику Генштаба маршалу Б.М. Шапошникову. Жуков отреагировал мгновенно и жестко:

*«Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю. Приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступить.
Генерал армии Жуков»*

Наверное, Жуков был прав, сообразуясь с принципом единоначалия, но все же больше истинных посылов было на стороне Рокоссовского, о чем сегодня говорят военные эксперты, анализируя ход тех событий.

Мягковатый по характеру маршал Борис Михайлович Шапошников предпочел промолчать, оставив командарма на растерзание разъяренному Жукову...

О героизме воинов 16-й армии в боях под Волоколамском К.К. Рокоссовский впоследствии писал, что «...именно в этих боях за город и восточнее его покрыли себя неувядаемой славой 316-я стрелковая дивизия и действующие с ней артиллерийские части, так же как и курсантский полк. Именно эти части, невзирая на многократное превосходство врага, не дали ему продвинуться дальше. С гордостью за вверенные мне войска могу сказать: в боях с 16 по 27 октября все они вместе и каждый в отдельности сделали все возможное, чтобы не допустить прорыва обороны армии. Они справились с этой задачей, и Родина чтит их беспримерный подвиг.

В последний раз Жуков и Рокоссовский встретились в Кремлевской больнице незадолго до смерти Константина Константиновича. После недолгого разговора Рокоссовский грустно посмотрел на старого приятеля и промолвил:

– Прощай, Георгий!

Они обнялись, и оба заплакали. Скупые мужские слезы покатались по щекам солеными горошинами...

Когда Сталин направил Жукова на Ленинградский фронт «исправлять недоработки и упущения своего предшественника», одним из первых его жестких указаний был приказ, касающийся попавших в плен красноармейцев. В нем, в частности, говорилось:

*«Бойцы, сдавшиеся в плен по возвращении, подлежат расстрелу.
Семьи тех, кто сдался врагу, – разыскать и расстрелять».*

Это были жуткие слова для любого судьи военного трибунала. Чудовищность данного документа поразила даже Сталина...

Автору довелось услышать еще один тяжелый рассказ на эту тему советского аса, дважды Героя Советского Союза генерал-лейтенанта авиации Виталия Ивановича Попкова. Он рассказывал, что в период жарких боев за Сталинград у гитлеровцев было явное превосходство в воздухе. Армады люфтваффе, волнами по сто с лишним самолетов, бросались с неба на позиции советских воинов.

Бомбежки были страшные по последствиям для городских кварталов и воинских позиций и укреплений. Фронт отвечал поднятием в воздух порой только до десятка истребителей. Поэтому летать «сталинским соколам» приходилось тяжело – по пять-шесть вылетов за день. Летчики работали на грани физических возможностей и психологического истощения. Отмечались случаи, когда от усталости и нервных стрессов некоторые пилоты теряли сознание в воздухе.

И вот однажды с инспекцией к авиаторам прибыли Жуков с Маленковым. На второй день они приказали собрать на совещание летчиков. Командование фронта направило на эту встречу лучших асов – Героев Советского Союза и других летчиков, отмеченных высокими правительственными наградами...

Среди них был и Попков. Когда на этой встрече летчиков обвинили чуть ли не в трусости, многие стали возражать и доказывать московским гостям, как и на чем воюют бесстрашные «соколы».

После совещания Жуков приказал всем его участникам выйти во двор. Там они увидели два десятка измазанных, перепуганных и уставших красноармейцев разных возрастов без ремней и головных уборов. Оказалось, Жуков подписал приказ о расстреле солдат за проявленную трусость в боях.

Генерал В.И. Попков в той беседе, помнится, заявил:

«Я считаю, что это была очередная кровавая ошибка Жукова, тем более он там был вместе с Маленковым. Не надо было показывать летчикам, как расстреливают трусов. Мы тоже стреляли, но стреляли исключительно по врагу. Такой урок на пользу нашим асам не пошел...»

«Потом через много лет мы встретились, и я напомнил маршалу этот эпизод».

– И что ответил Жуков?

– Он отчеканил, высказывая свое понимание момента: «Это война. Нам нужна была победа. Я поступить по-иному не мог».

И возникает вопрос: перед кем поступить по-иному не мог – может, перед Маленковым – в тот период правой рукой Сталина?

Но был Жуков и другим.

В 1945 году начальник контрразведки Смерша Берлинского гарнизона информировал Жукова о том, что три наших офицера, находились в самоволке... в Париже, где пьянствовали, посещали публичные дома и были задержаны жандармерией за распевание в нетрезвом состоянии «Марсельезы». Военнослужащие Группы оккупационных советских войск в Германии ждали сурового приговора. Доложили Жукову материалы, он наложил резолюцию: «Объявить строгий выговор... Они – победители!»

И все же Жуков имел огромную популярность в народе и непререкаемую власть в армии. Он не был политиком и никогда не помышлял о захвате власти, хотя все власти держащие его в этом подозревали – и Сталин, и Хрущев. И он часто сдавал своих патронов.

Кто-то из великих сказал, что любой грех, который мы видим в ближнем человеке, есть в нас самих, потому что если бы в нас его не было, то мы и в других бы его не видели.

Однако это все философия жизни, а сама жизнь намного сложнее.

Лубянка

Власть теряет все свое очарование, если ею не злоупотреблять.
Поль Валери

После годичного пребывания на должности начальника Особого отдела Киевского особого военного округа и всевозможных чисток в чекистских органах из-за кровавых репрессий периода правления Н.И. Ежова 23 августа 1940 года Анатолий Николаевич Михеев был назначен начальником 4-го отдела (так называлась тогда военная контрразведка. – *Авт.*) Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Свое назначение он воспринял спокойно, хотя и понимал, что хозяйство теперь его – все Вооруженные силы Советского Союза с двумя друзьями государства – Армией и Флотом.

Говорят, что кандидатуру именно Михеева опять предложил кадровикам заместитель наркома внутренних дел СССР энергичный Виктор Семенович Абакумов. Видно, он глубоко разбирался в пригодности людей для такой службы, оценивая в них в первую очередь общечеловеческие качества: порядочность, решительность и аналитический склад ума.

Все эти черты действительно имелись в характере Анатолия Николаевича.

А еще хочется отметить, что именно перед войной после «борьбы с искривлениями» в ряды органов государственной безопасности пришло немало образованных и толковых молодых людей, которые сумели, руководя своими спецподразделениями военной контрразведки, не только превзойти абвер и VI управление Главного управления имперской безопасности службы (СД), но даже в чем-то переиграть и спецслужбы наших союзников.

Давайте назовем их поименно: В.С. Абакумов, М.А. Белоусов, С.С. Бельченко, А.М. Белянов, В.В. Виноградов, Г.Ф. Григоренко, Н.И. Железников, Л.Г. Иванов, П.И. Ивашу-тин, Н.А. Королев, А.А. Крохин, А.П. Лебедев, И.И. Москаленко, Н.А. Осетров, В.И. Петров, С.П. Принцев, И.Т. Русак, А.П. Святогоров, А.М. Сиднев, В.В. Федорчук, С.К. Цвигун, Д.П. Шевченко и ряд других.

Все они были призваны в военную контрразведку органов госбезопасности в годы «послеежовских» реформ 1939 года. Они внесли свой весомый вклад в победу на невидимом фронте над противником, вероломно ворвавшимся на нашу землю, но забывшим историю своих походов на Русь.

Как тут не вспомнить высказывания «железного канцлера» Германии Отто Бисмарка, не единожды отмечавшего, что на Россию «не стоит нападать...», «что в нее легко войти, но трудно выйти...», «что россияне долго запрягают, но затем быстро едут», «что Россия обладает страшным оружием, которого у других нет, – огромной территорией» и т. д.

Для ознакомления с огромным хозяйством своей контрразведывательной «епархии» А.Н. Михеев активно посещает особенно западные военные округа и армии. Знакомится с командованием и своими подчиненными. Учится сам и учит коллег, понимая, что умные люди учатся для того, чтобы знать; ничтожные – для того, чтобы их знали.

А еще он уловил, что начатая Вторая мировая война покорением Польши, Франции и других европейских государств не закончится, а поэтому надо готовиться к схватке с вермахтом Германии и ее опытными спецслужбами на территории Советского Союза.

Конкретные наработки по борьбе с агентурой противника Михеев оставил в Киеве своему сменщику, начальнику Особого отдела НКВД, старшему майору госбезопасности Николаю Алексеевичу Якунчикову, с которым Анатолий Николаевич практически каждый день созванивался по телефону, контролируя ход тех или иных оперативных разработок, проверок или сигналов. Многие материалы Михееву были хорошо знакомы еще при службе в Киеве. Он живо интересовался судьбой и содержанием работы глубоко внедренного в абвер через

националистическую среду ОУН агента Цыгана. Практически Анатолий Николаевич вел его от одной операции к другой.

Снабжение негласного сотрудника дезинформационными материалами, санкционированными руководством КОВО и Генштаба НКО СССР, отработка легенды прикрытия, обеспечение безопасного перехода через госграницу – все эти вопросы держал на особом контроле глава военной контрразведки.

В течение сорокового и до середины сорок первого годов армейские чекисты Киевского особого военного округа провели десятки операций по разоблачению немецкой агентуры из числа националистически настроенных местных жителей западных областей Украины. Особенно масштабным было дело групповой оперативной разработки под кодовым названием «Выдвиженцы», по которому проходили не только завербованные и разоблаченные агенты абвера, но и лица, участвующие в подготовке в разведшколах Германии и Польши всякого рода лазутчиков в виде шпионов, диверсантов и террористов.

Прибыв к новому месту службы на Лубянку, Михеев был доволен, что судьба ему позволила снова работать с благожелательно настроенным к работе чекиста военачальником, ставшим маршалом Советского Союза в должности наркома обороны СССР Семеном Константиновичем Тимошенко. В то же время среди полководцев Великой Отечественной войны трудно было найти более противоречивую фигуру, чем этот маршал.

Одни говорят, что в момент вторжения гитлеровских войск нарком обороны СССР приложил максимум усилий для того, чтобы отразить удар вермахта и сорвать планы немецкого блицкрига. Другие упрекают его за грубейшие ошибки, которые привели к огромным человеческим жертвам и крупным военным катастрофам на фронтах – в Киевской, Смоленской и Харьковской операциях.

Не потому ли у Тимошенко нет «Золотой Звезды» Героя Советского Союза за персональное руководство сражением в Великой Отечественной войне, а орден «Победа» был вручен ему не за боевые действия на фронтах, а с такой интерпретацией: «за планирование боевых операций и координацию действий фронтов». Наверное, Сталин знал, кого и как награждать.

Второй медалью «Золотая Звезда» маршала Советского Союза Тимошенко наградили в 1965 году в день его 70-летия с формулировкой «за заслуги перед Родиной и Вооруженными силами СССР».

Для Михеева довоенный Тимошенко был героем. Анатолий Николаевич знал многое из биографии этого «статного работящего бессараба», который был семнадцатым ребенком в многодетной семье аккерманского крестьянина.

Участник Гражданской войны, получивший на ней полдесятка ранений, служил в 1-й Конной армии у С.М. Буденного, участвовал в обороне Царицына, где неоднократно встречался со Сталиным. Командовал Северо-Кавказским, Харьковским и дважды краснознаменным Киевским военными округами, а во время Советско-финской войны – Северо-Западным фронтом.

Узнал Анатолий Николаевич и историю направления его для участия в советско-финской кампании, начавшейся в 1939 году. Согласно молве, ходившей среди генералитета Генштаба, Сталин собрал командующих округами и задал им вопрос:

– Кто готов взять на себя командование в северной кампании?

Все сидевшие понуро склонили головы, уткнувшись глазами в зеленое сукно огромного стола. Повисло гробовое молчание. Неожиданно заскрипел стул и поднялся высокий бритоголовый Тимошенко:

– Я надеюсь, не подведу вас, товарищ Сталин.

И тут вождь вспомнил Гражданскую войну, эпизоды Царицынской битвы и в ней смелого рубаку Семена Константиновича.

Сталин подошел к нему и потянулся к эфесу его шашки, пытаясь вынуть ее из ножен:
– Я хочу посмотреть, сколько ты белых порубал?

Дернул раз, дернул два, но вытащить ее никак не смог.

– Э, так она у тебя только для украшения? – съязвил Сталин с улыбкой, – прикипела от бездействия, даже не вынимается. Носишь, Семен, ты ее, как цацку.

Тогда Тимошенко привычным движением быстро оголил шашку, а она оказалась вся в многочисленных зазубринах, с запекшейся кровью и прилипшими волосами. Сталин в ужасе отшатнулся:

– Убери, убери сейчас же... Ты ее хотя бы вытер!

На что Тимошенко ответил:

– Я не успел, товарищ Сталин, спешил к вам на встречу, – то ли вправду, то ли шутя ответил грозный рубака.

Вот так Тимошенко оказался на войне с воинством бывшего русского генерала, ставшего маршалом Финляндии Карла Маннергейма. Солдат и офицеров противника Тимошенко называл по привычке – белофиннами...

Время с конца сорокового и начало сорок первого годов в РККА ознаменовалось серией совещаний высшего командного состава, командно-штабных учений и оперативных игр с полевыми поездками. Эта работа кипела и была ключом. Советский Союз жил в обстановке ожидания войны, чем-то похожей на нынешнее время.

По указанию наркома обороны Тимошенко и, конечно, с согласия Сталина 23 декабря 1940 года было проведено одно из крупнейших военных совещаний. На нем присутствовало около трехсот, а конкретнее, в исторической литературе встречается цифра 276, маршалов, генералов и адмиралов СССР. Оно продолжалось 9 дней и завершилось вечером 31 декабря.

В своих выступлениях ряд советских военачальников честно докладывали о недостатках в боевой подготовке и готовности наших войск из-за перенесения госграницы глубоко на запад после разгрома немцами Польши и присоединения Западной Украины к СССР. Они ратовали за то, что важнейшим элементом боевой подготовки командирского состава и штабов Красной армии должны быть постоянные занятия личного состава на полигонах. Как реакция на эти замечания сразу после совещания прошла двухнедельная штабная игра.

И на совещании, и в учениях принимал активное участие и дивизионный комиссар А.Н. Михеев. Он тогда уже понимал, что страна стоит на пороге большой войны с сильным противником, а поэтому следует серьезно готовиться к ней. Но, по его рассуждениям, некоторые меры, принимаемые командованием, были сомнительны, о чем он докладывал наркому обороны С.К. Тимошенко.

Так, еще весной сорок первого начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков приказал передвинуть к границе, совершенно необорудованной в инженерном отношении, причем максимально близко: истребительную авиацию на 20–25 км от границы, бомбардировочную – на 50–60 км, а многие аэродромы на стратегических направлениях разместил вообще в восьми километрах от границы.

Опасность этих перемещений на необустроенной границе хорошо понимал вчерашний выпускник военно-инженерной академии. Он оказался прав – первый внезапный налет гитлеровцев буквально смял наши гарнизоны с недостаточным вооружением и скудными запасами боеприпасов.

Генерал-полковник Л.М. Сандалов со временем подтвердит эти ошибки Генштаба:

«Штурмовой полк перебазировался на полевой аэродром в восьми километрах от границы 20 июня 1941 года по приказанию начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова».

Выходит, Михеев был прав. Не отсюда ли начались все наши беды и, конечно, ошибки лета сорок первого, которые пришлось исправлять в 1942, 1943 и 1944 годах. О страшных потерях Красной армии того времени уже говорилось, но еще поговорим ниже...

* * *

Давно покинув столицу малой родины – Архангельск и служа уже в советской столице – Москве, Михеев нередко вспоминал «...дела минувших дней». Соскучился он по лесам и водам, по северным певучим ёканьям и оканьям, от которых, как ни странно, надо было избавляться и говорить так, как говорило в Москве его окружение.

Но он продолжал любить лес, поля, озера, реки и ручейки и всю живность, их населяющую. Любил и восторгался ими во все времена года, каждое из которых имеет свое неповторимое очарование. Он давно понял – у природы нет плохой погоды. Наверное, те таинство и загадочность, которые происходят в чаще леса и глубине воды, прячущаяся от нас живность озадачивают и немного пугают любого человека, тем более в детстве.

Теперь он стал большим начальником в центре России, где говорили несколько поиному, больше акали, поэтому он стал следить за своей речью, понемногу исправляя вологодско-архангельский говорок.

Став горожанином большого мегаполиса, Михеев понимал, что живет среди огромной толпы. Толпы себе подобных существ. Живет в ускоренном ритме, в состоянии периодических стрессовых ситуаций и решения постоянно наваливающихся жизненно-служебных проблем. Не раз ему внутренний голос подсказывал: «Прервись, отдохни, отвлекись от городской суеты, покинь свой скворечник, и тем самым ты продлишь свою жизнь! А разве членам семьи не будет приятно активно отдохнуть?»

Потом он вывел закономерность – чем выше служебная ответственность, чем выше карьерная ступень человека, тем большую потребность в таком роде отдыха он испытывает. Природа лечит хомо-сапиенс – человека разумного – чистым воздухом, зеленым шумом, водными процедурами.

Бабушку Алену он давно схоронил. А мать жила все там же, на станции Пермилово. Сидя в кабинете, к нему в голову пришла мысль – а почему бы не направить на лето к матери сына Сашу – дитя кирпичной клетки.

Своей жене Александре Александровне он давно предлагал такую одиссею для сына, но она почему-то была не готова оторвать его от себя. Переубедить Анатолий ее не мог или не было времени в сплошной служебной круговерти, когда наследника нередко приходилось видеть только спящим... Но когда выдавалась свободная минутка, попадавшая на выходные или праздничные дни, он с семьей с удовольствием выезжал на природу. Такие свободные мгновения он посвящал подмосковным лесам и паркам, прудам и Москве-реке. Лес и воду он любил сизмальства. Трепетное чувство к этим двум животворным жизненным стихиям он пронесет через всю свою, к сожалению, короткую жизнь...

Просматривая утренние газеты, Михеев обратил внимание на ряд статей о шестичасовой бомбежке немецкими самолетами Лондона. Программа бомбардировки люфтваффе английской столицы под названием «блиц» была ответом на налет англичан на Берлин.

«Неужели действительно Германия ввяжется в войну с Британией и Гитлер попытается захватить Туманный Альбион? – рассуждал начальник военной контрразведки. – Нет, у него другие планы – поход на Восток. Он, этот зверь, уже пригнулся, напряг мышцы в боевой стойке и не откажется от броска на такую жертву, как многообещающая, богатая ресурсами, плодородными землями и лесными просторами Россия...»

Запасов одной пресной воды вон сколько! Он где-то прочитал, что озеро Байкал в Сибири является самым крупным в мире. Все крупнейшие реки мира – Волга, Дон, Днепр,

Енисей, Урал, Обь, Ганг, Ориноко, Амазонка, Темза, Сена и Одер – должны течь почти год, чтобы заполнить бассейн, равный по объему озеру Байкал.

Он посмотрел в окно – по небу проплывали лохматые снежные облака вперемешку с грязными, подчеркнутыми закраинами тучами. За стеклами виднелась Москва, и он не представлял, что сможет ее бомбить какой-либо супостат. Потом его взгляд плавно переключался на хромированную модель трехпролетного моста, подаренного ему сослуживцами по академии, когда они провожали его на работу в органы госбезопасности.

Раздумьям пришел конец, когда гулко зазвонил прямой телефон наркома обороны.

– Слушаю вас, Семен Константинович, – ответил Михеев.

– Приезжайте, есть вопрос. Буду ждать в шестнадцать ноль-ноль, – ответила трубка.

– Есть, товарищ нарком!..

Проезжая по Москве мимо кинотеатра «Метрополь», водитель Капитоныч, кивнул в сторону висевшего на огромном рекламном щите портрета легендарного летчика и промолвил: «Какой большой – Чкалов!»

В это время в столице шла премьера фильма «Валерий Чкалов». Михеев, как и вся страна, боготворил этого аса – покорителя неба, погибшего совсем недавно – 15 декабря 1938 года. Он в легендарном летчике-испытателе видел олицетворение русского духа, смелость, решительность и силу воли, замешенные с огромным потенциалом физической силы. Знал он еще одно – Чкалов являлся фаворитом Сталина, во многих делах испытывая благосклонность правителя СССР. Кстати, ходили слухи, что после снятия Ежова Сталин хотел на должность наркома НКВД поставить Валерия Чкалова, но тот долго оттягивал свой ответ, пока не погиб при испытании самолета И-180 конструкции Н.Н. Поликарпова. Несмотря на то что Валерий Павлович был родом из Нижегородской губернии, Анатолий Николаевич видел в нем по поведению и силе настоящего помора...

* * *

Михеев зашел в кабинет наркома. Тимошенко сидел за массивным столом с кипой бумаг: телеграмм, справок, докладных, проектов приказов и вороха прочего важного материала для страны и порчи собственных глаз. Передвинув стопку документов в сторону, он поднялся, поздоровался за руку и предложил сесть за приставным столиком.

Нарком обороны заговорил о решении Сталина вывести органы военной контрразведки из подчинения НКВД СССР и переподчинить их НКО СССР. Слухи об этом давно ходили по Лубянке, и Михеев о них знал. Но слухи слухами. Вообще он считал слухи элементом, приводящим душу в замешательство, которое лишает ее способности к здравому размышлению. К различным слухам, сплетням, неподтвержденной информации он относился с предубеждением.

Однажды на совещании, когда один из оперативников вместо глубокого личного разбирательства по конкретному делу заговорил о слухах, подтверждающих его доводы, Анатолий Николаевич взорвался:

– Знаете, товарищ старший лейтенант, природа, давшая нам лишь один орган для речи, подарила нам два органа для слуха, дабы мы знали, что надо больше слушать, чем говорить. А вообще надо глубже мысленно проникать в ту материю, с которой вы работаете. Опасайтесь неподтвержденной информации.

А вот теперь слух подтвердился. Нарком обороны оповестил его о новой структуре военной контрразведки...

В феврале 1941 года было объявлено о создании Третьего управления НКО СССР.

На очередной встрече с Тимошенко Михеев откровенно высказался, что сосредоточение армейской контрразведки с прямым подчинением руководству Красной армии может негативно сказаться на деятельности чекистских органов.

– Почему? – спросил Семен Константинович.

– Потому что теперь появится двойное подчинение, и есть вероятность появления определенной скованности в процессе оперативной работы и даже некоторая зависимость от командиров и армейских политических органов. Как мне докладывали оперативные сотрудники, командование по-джентльменски ради большей объективности нередко поручает уже сейчас участвовать во всякого рода расследованиях, вплоть до включения в комиссии по ревизии складов вещевого имущества. А что будет дальше?

– Это, конечно, глупости, но, Анатолий Николаевич, мы все зависим друг от друга. А у меня есть другая информация – оперативники в частях мало общаются с политруками. А кто, как не политкомиссары, лучше знают людей? Зачем же особистам игнорировать таких верных помощников?

– Это точно, но все же я считаю, такое переподчинение отрицательно повлияет на объективность информации.

– А вот тут я с вами соглашусь. Есть в ваших словах правда, но не вся.

– Время, Семен Константинович, просто обладает исключительным даром убеждения, – мудро заметил комиссар госбезопасности...

И оказался прав. В июле 1941 года центральный аппарат военной контрразведки поменял свой бренд – стал называться Управлением особых отделов НКВД СССР. Это ведомство просуществовало неполных два года. Пока в апреле армейские чекисты не стали сотрудниками Главного управления контрразведки (ГУКР) Смерш НКО СССР. Вновь армейских чекистов замкнули на военное ведомство. Война потребовала создания нового эффективного контрразведывательного подразделения в армии.

Но вернемся к беседе Михеева с Тимошенко. После обсуждения вопроса о переподчинении органов ГУКР Анатолий Николаевич проинформировал наркома о вскрытии в окружении штаба шестой армии диверсионно-террористической группы, засланной абверовцами. Таким образом, ликвидировали активно действующее гнездо оуновского подполья...

Говорили о начавшейся с февраля 41-го года интенсивной переброске гитлеровских войск к советской границе.

– Показания разоблаченной агентуры, – продолжал Михеев, – говорят, что немецкая разведка сегодня интересуется в первую очередь частями западных округов нашей страны. Враг ждет информации об инженерном оборудовании приграничной полосы; мостах через малые реки, их надежности, проходимости и пропускной способности; заболоченных пространствах, обширных лесных полянах, наверное, для вероятной посадки самолетов на полевых аэродромах. Есть данные, что немецкое командование спешно обновляет штабные карты.

– Да, последнее подтверждает и военная разведка, – как-то задумчиво в знак согласия кивнул и Тимошенко.

– По данным нашей агентуры, отмечается возрастание активности абвера. У него больше стало центров армейской разведки, каналов их связи, учебных подразделений, буквально наглых попыток «пролома» через границу. Осуществляется массовая вербовка в свои сети оуновцев, – продолжал докладывать чекист.

– Так недалеко и до формирования своей повстанческой армии Украины, – пророчески заметил Тимошенко.

– Вполне вероятно, – поправил упавшую прядь слегка волнистых волос Анатолий Николаевич. – Гитлер им поможет...

Они оба были правы – в середине войны, а точнее, с весны 1943 года, у «незалежных» появится Украинская повстанческая армия – УПА, с которой придется воевать не только чекистам, но и армии и во время войны, и на войне, и после войны – до пятидесятых годов включительно.

* * *

Прибыв на Лубянку, Анатолий Николаевич вспомнил, что он должен встретиться с заместителем начальника «направленческого» отделения Управления центрального аппарата старшим батальонным комиссаром Михаилом Степановичем Пригодой, который только что вернулся из командировки из Львова. Михеев направлял его как опытного руководителя наряду с другими оперативниками в подразделения армейской контрразведки, обслуживавшие штабы, части и подразделения, стоящие в западных областях Киевского особого военного округа. В основном эта инспекция проходила на объектах 6-й армии.

Михеев хорошо знал все основные вехи послужного списка Пригоды. Придя на работу в органы госбезопасности после окончания Ленинградского военно-политического училища имени Ф. Энгельса, он около года проработал в центральном аппарате НКВД СССР, а во время Советско-финской войны по рапорту добровольно ушел на фронт. Воевал в должности начальника Особого отдела стрелковой дивизии, входившей в 23-й стрелковый корпус. Руководителем военной контрразведки корпуса являлся капитан госбезопасности Петр Иванович Ивашутин, ставший со временем генералом армии и Героем Советского Союза, возглавляя ГРУ Генштаба Вооруженных сил СССР.

Получается, Пригода и Ивашутин знали друг друга. Не исключено, что информацию о головоутиастве со стороны командования довел подчиненный до своего непосредственного начальника. А суть ее была такова.

Наши воины, одетые в серые шинели, хорошо просматривались на снегу. Не только финские снайперы-«кукушки», но и суомская пехота, как они выражались, стреляли в россиян, как в куропаток. Противник же постоянно передвигался на лыжах в белых комбинезонах.

Начальник Особого отдела корпуса П.И. Ивашутин несколько раз информировал командование о причинах больших потерь личного состава из-за отсутствия маскхалатов. Но решения радикального никак не принималось, а люди бесславно гибли. Тогда капитан госбезопасности набрался смелости и доложил об этом делегации партработников во главе с первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Андреем Александровичем Ждановым.

В течение нескольких дней проблема была разрешена. Количество погибших советских воинов резко сократилось. Командиры поняли силу слова военного контрразведчика.

Зайдя в кабинет и присев за стол, Михеев, прокрутив несколько раз дисковый номеронабиратель телефона, услышал: «Слушаю вас, Анатолий Николаевич!»

– Михаил Степанович, я жду вас с бумагами, – проговорил начальник...

Пригода зашел к комиссару госбезопасности с кожаной папкой, в которой аккуратно в разноцветных «слонявчиках» лежали секретные документы – наработки его командировки в Особый отдел 6-й армии, штаб которой располагался во Львове.

В начале беседы подчиненный коротко обрисовал начальнику оперативную обстановку, сложившуюся в шестой армии и ее окружении. Он вдумчиво рассказывал некоторые подробности гарнизонного обитания личного состава соединений армии в самом западном закутке КОВО и жизни оперативного состава.

– Где и как живут командиры и наши коллеги? – с искренней заинтересованностью спросил Михеев.

– Домов для командирского состава, естественно, не хватает, приходится снимать жилплощадь у местных жителей. Есть дома, оставленные поляками, срочно переехавшими на родину после событий тридцать девятого года, – пояснил Пригода.

– А как работают в новых условиях наши товарищи?

– Контрразведчики быстро вросли в армейские части и соединения. Приятно отметить и то, что сотрудники особых отделов опираются на помощь политических органов и командования. Эта спайка крепчает на фоне надвигающихся событий, связанных с военными приготовлениями нацистской Германии. Активизировался абвер – только за последние две недели контрразведчиками обезврежены шесть активистов из числа украинских националистов, ставших агентами германских спецслужб. Справку с подробностями их быстрой разработки и ареста я вам оставляю.

После этого он вынул бледно-лиловую папку из тонкого картона, в которой лежала обобщенная справка, и положил ее на стол Михееву.

– Прочту несколько позже, – кивнул хозяин кабинета. – Продолжайте, пожалуйста. А что касается спайки, то люди проверяются на трех ипостасях: верностью – в беде, смелостью – в бою, мудростью – в гневе. Только на такой основе может быть построено единство.

Пригода отметил, что командование шестой армии обеспокоено задержкой со строительством оборонительных укреплений на новой границе, а также явным повышением агрессивности со стороны некоторых жителей Львова. Он привел один жуткий случай, когда на голову проходившего мимо командира с балкона четвертого этажа жилого дома был сброшен чугунный утюг. С проломленным черепом советский военнослужащий был госпитализирован, но спасти врачам его, к сожалению не удалось.

– Нашли негодяя?

– Быстро вычислили и арестовали. Оказался яростным адептом ОУН. Вшивый интеллигент – заведующий хозяйством местного университета.

В ходе беседы на стол Михееву легло еще два обобщенных документа. А потом из кожаной папки Пригода вынул белый лист с рапортом о желании поехать на периферию – поближе к войскам. До этого он несколько раз просился отпустить его из центрального аппарата «в армейскую гущу».

Анатолий Николаевич внимательно прочел рапорт, несколько помолчав, и вдруг потянулся за красным остро заточенным карандашом.

«Ну все – отказ обеспечен», – подумал Пригода.

Потом начальник размашистым почерком наложил резолюцию и, слегка улыбнувшись, проговорил:

– Жалко отпускать таких помощников... Поедете во Львов, в шестую армию, заместителем начальника Особого отдела... На острейший участок отпускаю, да и вы сами знаете, что это за объект. Сказал и подумал: «Когда бьет последний час, не время подводить стрелки!»

– Спасибо. Знаю, – твердо произнес Пригода. – Готов хоть сейчас вылететь во Львов.

– Что могу сказать в ответ на ваше желание: а вы и не тяните, – посоветовал Анатолий Николаевич. – Передайте дела своему сменщику, наверное, с кандидатурой уже определились, и послезавтра утром можете вылетать в Галицию – сегодня там жарко, очень жарко.

Вот так легко и быстро решались оперативниками кадровые вопросы в то суровое предгрозовое время, требующее срочности принимаемых решений...

* * *

Михеев особо ценил работников, обкатанных во фронтовой обстановке в районах озера Хасан, реки Халхин-Гол, а также в боях с белофиннами. Их опыт он пропагандиро-

вал среди подчиненных. Начальник военной контрразведки не раз приглашал обменяться опытом на чекистских занятиях старшего оперуполномоченного, участника боев на озере Хасан, награжденного орденом Красного Знамени, старшего лейтенанта ГБ Ивана Михайловича Плесцова.

Весь коллектив центрального аппарата знал подвиг оперативного работника. А произошло это августовским утром 1938 года у озера Хасан в тяжелейшем бою возле сопки Заозерная, когда Плесцов после гибели командира подразделения поднял стрелковую роту в контратаку и отогнал самураев на их прежние позиции. Но случилось то, что случилось, – японцы отрезали фланги подразделения и оперуполномоченный с воинами оказались в окружении. Он приказал бойцам занять круговую оборону на сопке. Японцы наседали со всех сторон. Кончились патроны. В рукопашном бою удалось отбить у самураев пулемет с несколькими коробками боеприпасов к нему.

Плесцов, бывший политработник, умел дельно говорить. Он подбадривал красноармейцев прибаутками типа: «Что такое самурай? Это значит: хочет сам в рай! Так давайте, друзья мои, поможем ему!»

Позицию держали всю ночь, а на утро пришло подкрепление...

Плесцов, как гуру фронтовых будней, утверждал:

«...При прорыве обороны противником и вынужденном отходе оперработник обязан предотвратить панику, бегство, разброд. Он имеет право лишь на организованный отход в боевых порядках. В любом случае он должен показывать личный пример стойкости и мужества. В критический момент боя армейский чекист должен уметь заменить выбывшего из строя командира, не говоря уже о политруке».

Михеев много внимания уделял вопросам боевой подготовки сотрудников, для чего те нередко выезжали на учения, стрельбища, стреляли из пистолета «ТТ» в тире. Не забывал он и о нуждах подчиненных. Часто обходил их кабинеты и умелой постановкой вопросов получал ответы на возникшие у того или иного сотрудника проблемы.

Анатолий Николаевич всегда носил с собой небольшой блокнотик в синей кожаной обложке, приобретенный еще в бытность службы в Орле, в котором можно было прочесть примерно такие записи:

- «Новиков – квартиру. Крайне нуждается».
- «Коноваленко – проблемы в семье».
- «Машинистка – больна мать. Пробыть лечение в госпитале».
- «Дежурка – ремонт. Улучшить условия для работы дежурной службы».
- «Стрельбы из разных типов оружия...».
- «Петровский... переговорить с женой Неониллой Викторовной...»
- «Организовать коллективный выезд на Ленинские горы...»

На занятиях по чекистской подготовке рекомендовал вставлять нетипичные темы для моделирования действий вроде: «Роль оперуполномоченного при прорыве обороны»; «Действия при отказе от вербовки», а еще, будучи атеистом, со слов секретаря-машинистки, ветерана военной контрразведки, работавшей с Михеевым и Абакумовым на Лубянке Валентины Андреевны Воробьевой, с которой некоторое время довелось служить и автору этих строк, он не преминул использовать такие патристические выражения, как: «Богу – душу, честь – никому»; «Если Бог с тобой, не важно, кто против тебя»; «Начните искать в жизни хорошее, и она будет предлагать вам его все больше и больше»; «Если ты не можешь уйти от сложившейся ситуации, отпусти ее, и она сама от тебя уйдет»; «Как сложится судьба, никто не знает. Живи свободно и не бойся перемен. Когда Господь чего-то забирает, не упусти того, что он дает взамен» и другие.

Конечно, дословно Валентина Андреевна не могла столько времени носить в памяти эти выражения Михеева, но дав первичный смысловой настрой высказываемым им афоризмам, полную текстуальность их удалось разыскать автору в книгах и словарях.

Да, это был думающий, образованный и живой человек!

Предвоенные разработки

*Нельзя быть злодеем другим, не будучи и для себя негодяем.
Подлость универсальна. Нарушитель любви к ближнему первым из
людей предаёт самого себя.*

Борис Пастернак

В период службы Михеева руководителем особых отделов НКВД Киевского особого военного округа, а затем начальником военной контрразведки СССР он имел прямое отношение к проведению ряда крупных оперативных разработок на предателей Родины в среде военнослужащих. В силу разных мотивов эти отщепенцы пошли на измену присяге и Отечеству, встав в разряд самых отвратительных, самых презираемых в народе преступников.

После кровопролитной Гражданской, а затем Советско-польской войны остатки разбитых отрядов украинских националистов оказались за пределами Украины. За границу бежали или переселили десятки тысяч украинцев. Только в Польше, найдя, как правило, дешевое место жительства и низкооплачиваемую работу, осело более тридцати пяти тысяч. Центрами националистической украинской эмиграции стали Варшава, Львов, Париж, Берлин, Прага и Вена.

В эмиграции действовало множество различных политических партий, общественных организаций и националистических групп, многие из которых продолжали войну с Советами. Только поэтому для молодой, установившейся недавно советской власти в России украинские националисты представляли не меньшую опасность, чем белая эмиграция. Иностраный отдел ОГПУ, а затем НКВД внимательно наблюдал за деятельностью оуновских представителей, находящихся в эмиграции, и принимал меры по разложению националистических организаций, ликвидации и нейтрализации вождей и идеологов националистического движения, представляющих наибольшую опасность для коммунистического режима. Особенно острой борьба с националистами и их лидерами стала после присоединения Западной Украины к СССР.

В предвоенный период, после подписания Пакта о ненападении между СССР и Германией, поражения Польши в начавшейся Второй мировой войне, присоединения некоторых областей Западной Украины к УССР поднял голову радикальный украинский национализм, сделавший ставку на помощь нацистской Германии.

Военная разведка – абвер и другие спецслужбы Третьего рейха создали благоприятные условия для организации шпионских гнезд на территории Польши и Германии, в которых стали спешно готовить разведчиков, диверсантов и террористов из числа «свидомых (сознательных. – *Авт.*) галичан», ставших на преступный путь.

Готовясь к войне с Советским Союзом, немцы проявляли повышенный интерес к вопросам военного и промышленного потенциалов СССР, состоянию вооружения частей и подразделений, передислоцированных на новые места в связи событиями тридцать девятого года.

Надо отметить, что после перемещения 5-й и 6-й армий к новой границе военному командованию потребовалось решать задачи доукомплектования воинских частей. Поэтому призывались на военную службу, особенно на сверхсрочные должности, местные граждане. Были назначенцы из жителей Западной Украины и среди командирского состава. Поголовное большинство из них честно и добросовестно служило в Красной армии. Однако были среди них и люди, попавшие под влияние оуновской идеологии. Именно среди такой категории военнослужащих абверовцы через своих негласных помощников – резидентов и пытались вербовать агентуру.

Перед войной участились случаи нарушения зеленой и воздушной границ. Нередко нарушителями являлись люди, причастные к темным сторонам жизни. Это были своего рода лазутчики, связники, диверсанты и террористы. Забрасывались часто, особенно по воздуху, радисты для укомплектования боевых групп и националистического подполья.

Март сорок первого года в Киевской области выдался холодным и ветреным. Надменный «северок» пронизывал легкомысленно одетых граждан. Военные продолжали носить зимнюю форму – переход на летнее обмундирование ожидался в середине апреля. Низкие свинцовые тучи лениво проползали над городом. Многие горожане тоже не снимали зимних одеяний. Но ожидаемый природный праздник тепла все же наступил с приходом апреля.

* * *

Начальник третьего отдела НКВ СССР Киевского особого военного округа бригадный комиссар Николай Алексеевич Якунчиков торопливо спускался по ступенькам лестничного пролета к подъезду, у которого стояла служебная эмка. Он в тот день выехал на час раньше. Чекист двое суток мотался с инспекционными поездками по гарнизонам, а поэтому понимал – наверняка скопилось много почты: шифровок, справок, донесений и важных агентурных сообщений, которые нужно было обработать, то есть вдумчиво прочесть, проанализировать и учинить разумные резолюции.

Приняв рапорт от дежурного, он быстрой походкой прошел в свой кабинет, который показался ему остывшим и выбившимся из привычного ритма работы. Однако скоро эта придуманная сущность исчезла, и хозяин помещения «насладится» процессом – бумагами, которые ему по звонку доставила секретарша. Документов действительно собралось много и разных. Некоторые из касались событий в войсках округа, особенно обстановки вокруг шестой и пятой армий генералов Музыченко и Потапова, расположенных, как он говорил, «на крайнем Западе».

Работал он в своем ритме легко и вдохновенно – успел соскучиться по изменениям обстановки, а ему службой было дано – держать руку на ее пульсе. Но через час пришлось вспомнить и поговорку: «Не радуйся раннему вставанию, радуйся доброму часу».

Нет, не совсем добрый час ударил в колокол, но в этом гуле он угадал мысли о предстоящей большой и интересной работе. В колокол ударила служба пеленгации. Секретарша вновь принесла ему очередную шифровку, в которой говорилось, что специалисты радиоперехвата зафиксировали работу неизвестного радиопередатчика в районе населенного пункта Бровцы.

«Да, этого следовало было ожидать, – рассуждал бригадный комиссар, – враг стал интенсивнее работать вокруг нашего округа. И все это загадочное и удивительное надо будет разгадать и приоткрыть завесу таинственности. Средневекового аутодафе в атмосфере торжественности не случится, но вердикт военного трибунала фигурантам вполне обеспечен. Без сурового приговора здесь не обойтись. Понимаю, до этого далековато, работа по выдерживанию заноз предстоит нелегкая и масштабная».

Высокий, сухощавый, с густыми темными бровями, Якунчиков от волнения то и дело открывал коробку «Казбека», и даже игнорируя каждодневную привычку мять курку и сдавливать пальцами середину картонного мундштука, быстро хватал папиросу губами, и, прикусывая кончик его зубами, высекал огонь из зажигалки и смачно затягивался, чтобы через мгновение выпустить носом струйки пахучего для него табачного дыма.

Перед ним лежал большой блокнот с пронумерованными страницами для написания секретных документов, которые давались секретарше для печатания. Он открыл его, макнул ручку из зеленой пластмассы с его любимым пером «скелетик» в стеклянную чернильницу и стал размашисто и быстро писать. Слова в предложения складывались довольно-таки легко,

потому что не каждый день чекисты встречались с подобными интригующими профессионалов фактами, в которые можно было с интересом окунуться с головой. Он писал докладную записку с некоторыми прочерками из-за режимных соображений.

Николай Алексеевич готовил документы качественно и быстро, не зря Михеев во время совместной работы в Киеве не раз восторгался такой работоспособностью своего заместителя. Когда закончил «писанину», как он любил называть чекистское творчество, тут же позвонил секретарше:

– Людмила Васильевна, зайдите за документом...

Через несколько минут миловидная, одетая в строгий, слегка приталенный синий костюм женщина, пришедшая в органы госбезопасности еще в двадцатые годы, стояла возле приставного стола.

– Попрошу вас срочно... – приказал Якунчиков... Не прошло и получаса, как на столе руководителя военной контрразведки округа лежал готовый – отпечатанный документ для отправки в Москву своему непосредственному начальнику А.Н. Михееву. В нем говорилось:

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Совершенно секретно

9 апреля, в среду, в 23 часа 05 минут оператор службы пеленгации зафиксировал работу неизвестного радиопередатчика. Квадрат места сеанса связи определен в лесном районе за поселком Бровцы, что в двадцати километрах восточнее Киева. Дешифровка перехваченной цифровой передачи установила донесение следующего содержания:

«Распоряжением штаба округа двадцать седьмой танковый полк 6-й армии передислоцируется из-под Броды в Рава-Русский укрепрайон. Срок до 30 апреля 1941 г. Задержка связи доложена главному. Осложнений нет. Впредь выход в установленном режиме. 673».

Для выявления подпольного радиста приняты первоначальные меры:

1. Усилена служба пеленгации.
2. Созданы две опергруппы из восьми человек под общим руководством лейтенанта госбезопасности Стышко, взявшего под контроль Бровцы и северо-восточный край леса с двумя полевыми дорогами – вероятный участок работы агента-радиста.
3. Устанавливаются лица, осевшие за последнее время в Бровцах и в трех прилегающих селах.

Содержание перехваченной шифровки указывало на утечку секретной информации из штаба округа или 6-й армии, либо непосредственно из штаба танкового полка. После проведенной проверки третий предполагаемый объект отпал.

Особым отделом разработаны мероприятия по выявлению агента иностранной разведки как в штабе округа, так и в 6-й армии, изучаются возможности внедрения чуждых элементов под должностным прикрытием в аппарат указанных штабов.

В полночь с пятницы на субботу 11 апреля подпольный радист снова вышел на связь. Почерк его опознал оператор-чекист. Передача велась из района предполья за Бровцами, в стороне от массива леса, находившегося под контролем опергрупп особого отдела. Взять под наблюдение радиста не удалось. Поиск его в целях скрытности был запрещен.

Дешифрованный текст второй радиограммы:

«Приказано передислоцировать 89-ю стрелковую дивизию 6-й армии из-под Львова в район южнее Ровно. Срок до 10 мая. Место штаба дивизии уточняется. Связь в режиме. 673».

Следует отметить, передислокация указанных танкового полка и стрелковой дивизии санкционирована штабом округа в одностороннем документе под пунктами 1-м и 2-м. Однако агент-информатор сразу не передал полный текст, составив две отдельные шифровки по содержанию каждого из пунктов.

Полагаем, сделанная разбивка преследовала цель – ввести в заблуждение органы советской контрразведки в случае перехвата радиошифровок, чтобы навлечь подозрение на источник информации непосредственно в передислоцируемых воинских частях. Поэтому, должно быть, неслучайно первое донесение агентом «673» передано после издания приказа командующего 6-го армией на передислокацию танкового полка.

Аналогичный приказ командиру 89-й стрелковой дивизии подписан лишь 10 апреля и на следующий день, еще не поступив по назначению, появился в радиошифровке.

Вывод: агент иностранной разведки имеет доступ к документам оперативного характера в штабе Киевского особого военного округа или 6-й армии. Есть основания считать, что агент недостаточно подготовлен как разведчик, иначе бы он не допустил заметных просчетов: избежал бы в первой шифровке ссылки на указание штаба округа и повременил бы со вторым донесением, по крайней мере до того, как приказ о передислокации стрелковой дивизии поступит по назначению. Тогда бы сфера наших поисков значительно расширилась.

Кроме того, определенные выводы можно сделать из текста шифровки. Очевидно, радиосвязь только что наладилась. В группе есть руководитель, названный «главным». Видимо, контакт с ним у агента «673» ограничен.

Учитывая, что прежде работа упомянутого радиопередатчика не фиксировалась и почерк радиста операторам-чекистам неизвестен, что ранее утечки оперативных сведений из штабов обнаружено не было, заключаем: действует недавно созданная группа (резидентура) иностранной разведки, выдвинутая на важный канал штабной информации.

Мероприятия по разоблачению шпионской группы условно названы «Выдвиженцы».

Особым отделом округа ведется работа по двум направлениям: выявления радиста и агента «673».

16 апреля, в среду, предполагается очередной сеанс связи подпольного радиста. Приняты все меры к его негласному обнаружению. При этом учитывается возможность неожиданного выхода агента-радиста в эфир, в связи с чем оперработники, одетые в гражданское, контролируют свои участки в поселке Бровцы и прилегающей окрестности, начиная с темноты до рассвета.

*Начальник 3-го отдела КОВО
бригадный комиссар
Н. Якунчиков»*

Окружной отдел стоял, как говорится, на ушах. Дверь к начальнику открывалась так часто, что скрипевшие до этого петли притерлись и замолчали. То и дело Николай Алексее-

вич вызывал кого-то из оперативников и давал инструктажи по тем или иным вопросам, судя по опасности для войск агента иностранной разведки, разворачивающего дела оперативной разработки. Работа радиста в окружении частей КОВО тянула на заведение дела оперативной разработки...

* * *

Домой после окончания рабочего дня Якунчиков так и не попал. В пятом часу утра из Москвы – из Управления контрразведки Наркомата обороны – он получил шифровку. В ней говорилось:

«Принятые меры по группе «Выдвиженцы» санкционирую.

Подключите к работе опытных чекистов Плетнева и Грачева. Не дожидаясь понедельника, проинформируйте по делу командующего округом Кирпоноса, предложите издать фиктивный приказ о передислокации какого-либо соединения из глубины 6-й армии к границе, создайте возможность ознакомиться с ним необходимому кругу лиц как в штабе округа, так и в 6-й армии, последите прохождение приказа, не давая ему выхода по назначению.

Установите контроль за прибывающими в Бровцы посторонними лицами, выявляя вероятную явку связного к радисту. Для выполнения этой задачи срочно свяжитесь с начальником НКГБ по Киевской области, скоординируйте совместные действия.

Отработайте план мероприятий с начальником 6-й армии Моклецовым, окажите ему необходимую помощь.

Задержание подозрительных лиц запрещаю. Первейшая задача состоит в том, чтобы с бесспорной очевидностью выявить агентуру иностранной разведки, ее связи.

О результатах докладывайте немедленно.

А. Михеев»

Якунчиков ждал ответа и вот дождался, скрупулезно читая документ и глубоко вникая в каждое слово московского начальника Анатолия Николаевича Михеева, с которым еще недавно работал в Киевском особом военном округе по важному и опасному для штаба армии делу. А еще он понял – не во всем был прав. Переосмыслив предложения из своей докладной записки, он теперь был полностью согласен с рекомендациями Михеева, хотя поначалу брала ершистость, не соглашавшаяся с некоторыми доводами более молодого, чем он, по возрасту руководителя.

Якунчиков был старше Михеева на шесть лет. Он понимал, что возраст вообще-то – это тиран, который повелевает, но в данной ситуации Николай Алексеевич этого сделать не мог, исходя из военной субординации и логически выверенных и точных доводов московского коллеги.

Так начинался оперативный марафон по вскрытию шпионского гнезда, подробно описанного Юрием Семеновым в документальной повести «Комиссар госбезопасности».

Хорошо спланированными мероприятиями, удачной подводкой негласных источников к объектам оперативной разработки, подключением к работе опытных военных контрразведчиков и тесным взаимодействием с территориальными органами НКГБ по Киевской области и НКВД Украины удалось распутать этот зловещий узел шпионажа.

Активное участие в четком определении канала утечки информации и выходе на источник получения режимных данных, и таким образом разоблачении целой вражеской цепочки от радиста, передающего информацию в разведцентр абвера, до агента, собирающую ее в

штабе КОВО, принимали руководители армейской контрразведки А.Н. Михеев и Н.А. Якунчиков. Черновую работу безупречно выполнили «шахтеры» контрразведывательного сыска: Д.Д. Плетнев, М.П. Грачев, В.М. Стышко, А.К. Лойко и ряд других оперативников.

В ходе круглосуточной работы по фигурантам дела военные контрразведчики точно вышли не только на радиста – местного учителя и художника, чеха по национальности Хопека; но и на экспедитора Осина и скомпрометировавшую им его любовницу Савельеву – жену офицера-летчика; оуновского авторитета Кагарлицкого и, наконец, главного добытчика секретов в штабе Киевского особого военного округа – старшего лейтенанта Рублевского. До этого последний служил в штабе шестой армии.

Разбирая реализованное дело «Выдвиженцы», Якунчиков на служебном совещании с улыбкой заметил:

– Ни один солидный шпионский спектакль не обходится без слабого пола. Женщины, говорят, так же упорны, как и податливы, они не следуют дурным советам – они их опережают, а поэтому только женщина может временно остановить время...

* * *

В предвоенные месяцы ожидавшие прихода на Украину немцев осмелели оуновцы. Не проходило и дня, чтобы где-то не фиксировались их проявления в виде обстрелов административных зданий – сельсоветов и правлений колхозов. Гибли под градом пуль и ударов топоров сотрудники милиции и активисты советской власти – хозяйственные, партийные и советские деятели. Расправлялись они и с простыми гражданами, устроившимися на работу при новой власти – советской. Дело дошло до того, что в начале июня сорок первого года они даже обстреляли само здание Управления НКВД по Черновицкой области...

Но военные контрразведчики не покорялись сложившейся обстановке, а продолжали напористо действовать в поисках тех, кто создавал угрозу безопасности Красной армии и государственному строю.

В ходе изучения одного из каналов утечки режимной информации в поле зрения военных контрразведчиков шестой армии попала официантка столовой штаба этого объединения Гелена Ягодзинская. Сначала «гарна дивчина» («красивая девушка». – *Авт.*) была женой польского жовнера (военнослужащего рядового состава. – *Авт.*), погибшего в 1939 году на польско-германском фронте, потом советского офицера-летчика, разбившегося в авиационной катастрофе во время учений в конце 1940 года.

Молодая, статная, не лишенная природной красоты женщина сводила с ума и молодых самцов, и убеленных сединами пожилых, у которых появлялась эта сама «седина в бороду, бес в ребро», когда под старость лет крыша едет. У мужчин так же наступает климакс, как и у женщин, где-то около пятидесяти лет. И они начинают бегать по молоденьким девочкам, пытаясь доказать свою состоятельность. При этом зарабатывают инфаркты и инсульты. Так было во все времена и у каждого народа. Закон физиологической жизни един для всех, его трудно обмануть.

Пригода обратил внимание на материалы агентурных сообщений. В них она фигурировала как дама, которая часто крутится вокруг сорокалетних с небольшим хвостиком «стариков», как правило, имеющих доступ к обобщенным секретам.

Первичный материал на Гелену дала ее коллега по столовому цеху официантка Марина, которая потом помогала органам военной контрразведки в качестве негласной помощницы под псевдонимом Яркая.

Материалы собирались в сигнал оперуполномоченным старшим лейтенантом Алексеем Лойко. Ягодзинская подозревалась в связях со вторым отделом Главного штаба польской армии – военной разведкой.

«Если ее зацепила до тридцать девятого года польская дефензива, – размышлял Алексей Кузьмич, – то она должна иметь возможность передавать собранную режимную информацию в центр через связника радисту. А вот какой центр – надо выяснить. Польского уже нет, а немецкий – он существует. Надо в этом ключе и работать. Выяснить ее связи, их характер, нет ли подозрительных среди ее воздыхателей из среды комсостава штаба армии».

В этом направлении и работал старший оперуполномоченный военной контрразведки шестой армии лейтенант ГБ А.К. Лойко, но начавшаяся внезапно война порушила планы чекиста. А потом обнаружилось и исчезновение самой Гелены Ягодзинской, которая появится несколько позже в поле зрения особистов Юго-Западного фронта.

* * *

Как уже отмечалось, летом и осенью 1941 года войска Юго-Западного фронта понесли большие, а на отдельных участках невосполнимые потери. Многие части побывали в окружении. И поскольку нужда в людях была огромной, в расположении войск фронта действовало несколько сборных пунктов для вышедших из окружения военнослужащих РККА. Здесь они проходили санобработку, получали обмундирование, оружие, распределялись по частям и отправлялись снова на передовую. На сборных пунктах работали сотрудники органов тыла, кадров, политуправления и Особого отдела...

Это было в первой половине декабря 1941 года.

На фронтовом сборном пункте в селе Пески Воронежской области к младшему лейтенанту госбезопасности Пивоварову обратился сержант Воропаев, вышедший из окружения из-под Харькова. Как выяснилось, он добровольно ушел на фронт, отслужив в начале тридцатых годов срочную службу. Храбро воевал, отличился в боях под Харьковом. Двое сослуживцев Воропаева подтвердили факт его геройского поступка – когда кончились горючее и боеприпасы, сержант подорвал свой танк и вместе с ними выходил из окружения. По дороге простудился и заболел воспалением легких. Дошло до того, что он, обессиленный недоеданием, большими психологической и физической нагрузками, стал терять сознание. Пришлось его оставить в небольшом селе Шаповаловка у колхозницы Анны Карловны Франько.

Но однажды ночью, с его слов, они с сожительницей услышали отчаянный лай собак, шум автомобильного мотора и немецкую речь. Потом последовал оглушенный стук в дверь. Анна вскочила с кровати и направилась в сени.

– Кто вы, что вам надо? – испуганно спросила хозяйка.

– Откройте, немецкая комендатура, – ответил женский голос.

Услышав эти слова, временный жилец ужом скользнул в погреб и затаился...

В комнату вошли несколько человек. Из разговора Воропаев понял, что среди немцев были одна женщина и один русский. Анне приказали накрыть стол и покинуть хату на ночь – «вежливо» предложили убираться спать в сарай. Распоряжалась в компании женщина по имени Гелена, тоже разговаривающая на русском языке.

Судя по обращению, среди них были немецкий генерал и русский полковник. Функции переводчицы исполняла фрау Гелена. Фашист предложил русскому полковнику, чтобы он перешел линию фронта и вышел на встречу с крупным советским военачальником. Со слов Воропаева, когда он услышал фамилию советского генерала, у него «волосы встали дыбом, мороз по коже пошел».

Полковник сначала отказывался от выполнения просьбы, якобы боялся, что его расстреляют на советской стороне. Тогда «герр генерал» его успокоил: русский его не выдаст, так как он бывший любовник Гелены и близкий друг многих германских генералов, в том числе и Гейнца Гудериана. Во время совместных маневров с немцами, имея в виду подготовку и проведение парада в 1939 году в Бресте, он проявил себя «галантным кавалером».

В неотразимости чар фрейлейн господин полковник может убедиться лично – до утра еще времени вполне достаточно, чтобы вдоволь испытать удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.